ПИОНЕР

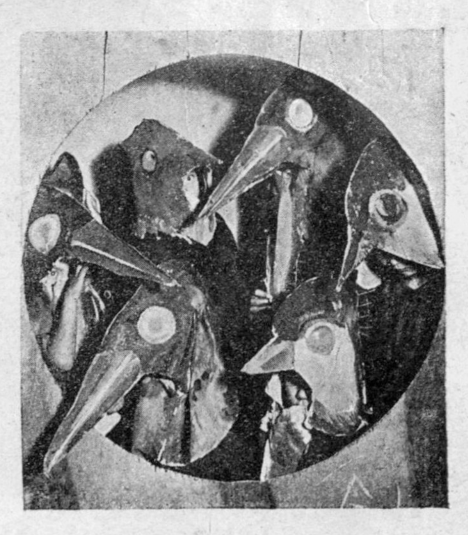
7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

привет
VIII-му съезду
ВЛКСМ

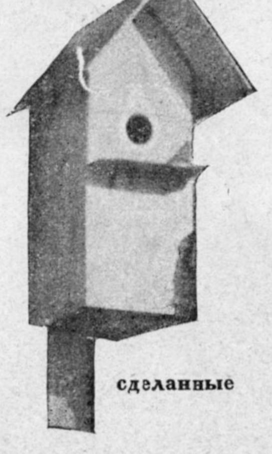

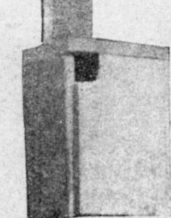
Пионеры и школьники Сокольников развесили более 500 скворешен

КВАРТИРЫ ПЕРНАТЫМ ДРУЗЬЯМ

Ясный мартовский день. К Сокольническому кругу со всего района стягиваются веселые толпы ребят—школьников и пионеров. Сегодня праздник—„День птиц"—будут развешиваться квартиры пернатым друзьям. Веселые лица разрумянены холодом. Слышатся оживленные разговоры. Приемная комиссия осматривает скворешни и бракует неправильно сделанные. Таких немного. Теперь уже ребята знают, что птичьи домики должны быть строго определенных размеров.

Праздник открывается кратким митингом. Выступают представители райбюро пионеров, Сокольнической биостанции, Лесничества, Всекохотсоюза и т. п. организации. Ребят приветствуют, как начинателей большого и полезного дела.

Скворешни, сделанные неправильно

После митинга инструктора разбивают ребят на 3 группы. Каждая группа отправляется к заранее намеченному участку Сокольнической рощи. Пестреют лозунги и плакаты, лес оживляется разговорами и смехом ребят. На каждом участке деревья заранее намечены. Здесь ребят уже ждут сани, привезшие лестницы, веревки, гвозди и т. п.

Наконец, наступает самый интересный момент—развешиваются птичьи домики.

Наиболее ловкие ребята уже влезли на деревья. Им остальные подают гнездовья. Раздаются шутки и веселые замечания.

Наконец, все скворешни развешены. Ребята, проголодавшиеся, но довольные сделанным, расходятся по домам.

Сегодня было приготовлено 500 квартир.

Добро пожаловать, пернатые друзья!

Квартиры готовы! Ждем пернатых друзей!

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, центр, Нов. площ., 6/8.
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 7 АПРЕЛЬ 1928 г.

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Историческая повесть И. БАС
Иллюстрации художника К. КУЗНЕЦОВА

Если бы редакция созвала общее собрание всех читателей—набралось бы их несколько десятков тысяч, и если бы им всем сказать: „а ну-ка, поднимите руки, кто знает про Сергея Нечаева“,— нам кажется, поднялось бы не более десятка рук тех ребят, которые знют что-нибудь о жизни отважного революционера и великого бунтаря Сергея Нечаева.

Придавленный тяжелым каблуком „царя-освободителя“, который освободителем был прозван потому, что освободил крестьян от... земли, стонал огромный стотридцатимиллионный народ, и Нечаев был одним из крохотной горсти мужественных людей, отдавших свой мощный ум, силу, ловкость и невероятную энергию на борьбу с царским строем.

Для наших читателей описание его жизни, полной приключений и опасностей, побегов и баррикадных боев, будет интересным. Напишите, товарищи-читатели, что вам нравится в описании жизни Нечаева.

Глава первая

ЗНАКОМСТВО С ОХРАНКОЙ

— ...Нечаев голосует за казнь царя,—спокойно сообщил Желябов.

Перовская вспыхнула чувством радостной гордости, но тотчас овладела собой и в тон Желябову произнесла:

— Чего и следовало ожидать...

Остальные молчаливым кивком головы поддержали реплику. И только тогда к сидевшему в тени народовольцу вернулся дар слова.

— Позвольте, — вскричал он, — но мне совершенно непонятно, почему так и следовало ожидать, чтоб голос из загробного мира высказался за казнь царя?! Может, мне показалось, что вы назвали Сергея Нечаева?— нерешительно обратился он к Желябову, но, получив утвердительный ответ, с еще большей горячностью заговорил:

— Значит, Нечаев жив! Вы говорили с ним?! Но почему он не здесь? Где он был эти восемь лет?..

Желябов с прежним спокойствием произнес:

— Товарищ только что из Москвы. Он не знает, что перед Исполнительным Комитетом даже царские тайники растворяют свои двери. И не знает...—но здесь голос изменил этому сильному человеку, глубокая грусть зазвучала в нем, когда он доканчивал фразу, — как дорого платит Нечаев за свое согласие.

Приезжий изумленно обвел глазами собрание, еще ничего не понимая, но чувствуя, как необычная торжественная печаль, нависшая над товарищами, сжимает и его сердце.

Описанное событие разыгралось двенадцать лет спустя после того, как пронесся первый буйный вихрь русского революционного движения. Вихрь, закрутивший студенчество, просвещенное общество, трусливое правительство и взметнувший над всем этим таинственное и громовое имя: Нечаев. Уже пронесся этот вихрь, но старшее поколение революционеров еще помнило мрачные закоулки 60-х годов, где он зарождался. Отсюда начинается и наш рассказ.

... Наступает новый, 1869 год.

Придавленный всесильным Третьим Отделением Петербург молчит, не подает и признаков жизни. Любимые писатели в ссылке, в изгнании. Журналы хиреют, страшась навлечь на себя гнев царской цензуры. Шеф жандармов, граф Шувалов, заверяет царя в незыблемости устоев и преданности народа. И в это же время в Петербургском Сергиевском училище учитель закона божия собирает по вечерам горячую молодежь и страстно проповедует не любовь, а ненависть, не веру, а безбожие, не смирение, а революцию.

Этот учитель сам в комсомольском возрасте — ему едва пошел двадцать второй год, но горячие приверженцы уже считают его своим вождем.

С его восторженных уст не сходят имена Каракозова, несколько лет назад стрелявшего в царя, и Бабефа, заговорщика Вели-

кой французской революции,— и всем становится ясно, что он и сам станет в одном ряду с ними.

Неудивительно, что так внимательно слушает его и Вера Засулич, когда он, все оживляясь, говорит о своей мечте. Нет, не мечте. Мечта — это что-то туманное и бесформенное, а Нечаев уже лелеет точный, рассчитанный план революции.

— ... Воспользоваться волнением студентов в Питере и Москве, выбрать лучших среди них, преданных нашим идеям. Они пойдут по всем городам, уездным и губернским, чтобы поднять народ. Нужно только умело организовать это; и не пройдет и года, как вспыхнет революция, ибо народ недоволен, в нем уже бродит бунтующая сила...

Вера не впервые слышит Нечаева. После первой памятной встречи на учительском собрании, когда сразу обнаружилось столько общего в их взглядах, она с удовольствием беседует с этим человеком, ей нравится твердость его взглядов и энергия, с какой он их защищает.

Нечаев ловит на себе вдумчивый взгляд молодой девушки—это вызывает в его груди странное чувство теплоты. Он говорит все увереннее и увлекательнее.

— Бороться до „полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа“,—наизусть читает он программу Бакунина из нелегального „Народного Дела“.

Вера с удовольствием беседует с этим человеком

Чья-то фигура прижимается к стене и сливается с темнотой

А когда они остаются вдвоем, грозный революционер, „будущий разрушитель могущественнейшей империи“, почему-то замолкает, а потом неожиданно брякает:

— Я вас полюбил!..

Вера смотрит на него с изумлением. Изумление—это единственное чувство, которое она испытывает.

— Я очень дорожу вашим хорошим отношением, но я вас не люблю.

В Петербурге студенческие беспорядки. На какой-то частной квартире идет сходка. Нечаев уже спешит туда, и скоро в накаленную спорами атмосферу падают его горячие слова:

— Научитесь же, наконец, требовать! Устраивайте манифестации в самих университетах...

— И вас выкинут из них...— зло перебивает Езерский, постоянный его противник.

— Не посмеют, если выступите коллективно. Покажите напуганному начальству вашу силу и требуйте своих прав...

— Чтоб озлобить правительство. Чтоб нас выгнали из университета и сослали...

— Но только так вы добьетесь чего-нибудь!

— Неправда! Мы пришли учиться. Мы все погубим, если нас станут считать революционерами...

— Да начальство нас всегда ими считало...

„Учебное начальство и полиция обязываются уведомлять друг друга о всех проступках, о всех действиях, навлекающих сомнение в нравственной и политической благонадежности студентов“...

„В устранение потери времени для учения и исправного посещения лекций, студентам воспрещается устройство концертов, чтений и каких бы то ни было собраний“...

Параграф за параграфом читает Нечаев правила министерства народного просвещения. Читает и испытующим взглядом ищет в этих разгоряченных головах, пылающих глазах решимость и отвагу. Он зовет их дальше, от простых студенческих волнений к великому народному бунту — к революции.

— Здесь, в рядах истомившегося народа, наше место. Вспомните, на чьи деньги мы учились. Забудем ли мы его теперь, отвернемся ли!?

Собрание глухо и недовольно урчит. Петербургские студенты еще не доросли до политической борьбы.

Но вокруг Нечаева уже теснится маленькая группа сторонников. Кто-то из них бросает в лицо собранию презрительное — консерваторы! Кличка подхвачена. Через несколько дней весь Петербург будет говорить о том, что студенты раскололись на „консерваторов“ — езерцев, и „радикалов“—нечаевцев.

Сходка кончается. Уже полночь. Нечаев возвращается в Сергиевское училище.

В ночной тишине особенно гулко раздаются шаги, вызывая какое-то странное эхо. Нечаев, сначала рассеянно, потом все внимательнее прислушивается и вдруг оборачивается. Чья-то фигура прижимается к стене и сливается с темнотой. В это же время умолкает эхо. „Шпион!“—промелькнуло у Нечаева.

Сырой петербургский день. Двумя встречными потоками текут толпы занятых и чуждых друг другу столичных жителей.

Подгоняемый общим течением, молодой человек в студенческой шинелишке приближался к Троицкому мосту, когда вдруг у самого его уха раздался стук колес.

Студент обернулся.

В это время быстро мчавшаяся тюремная карета поравнялась с ним, и к ногам студента упала бумажка.

— О-ох, проклятый! Носит вас таких, окаянных!..—закричала толстая баба, налетев сзади на неожиданно нагнувшегося студента.

— Деньги, что ли, нашел?—подозрительно произнесла она, но студента уже не было. Скрывшись за угол, он оглянулся, развернул записку, прочел адрес, круто повернул и широкими шагами зашагал к Вере Засулич.

А в это время карета уже привезла Нечаева в Третье Отделение.

Чиновник Колышкин нагнулся к бумагам и приступил к допросу.

— У нас получены сведения, что вы подстрекаете студентов к беспорядкам.

— Ваши сведения подшутили над вами.

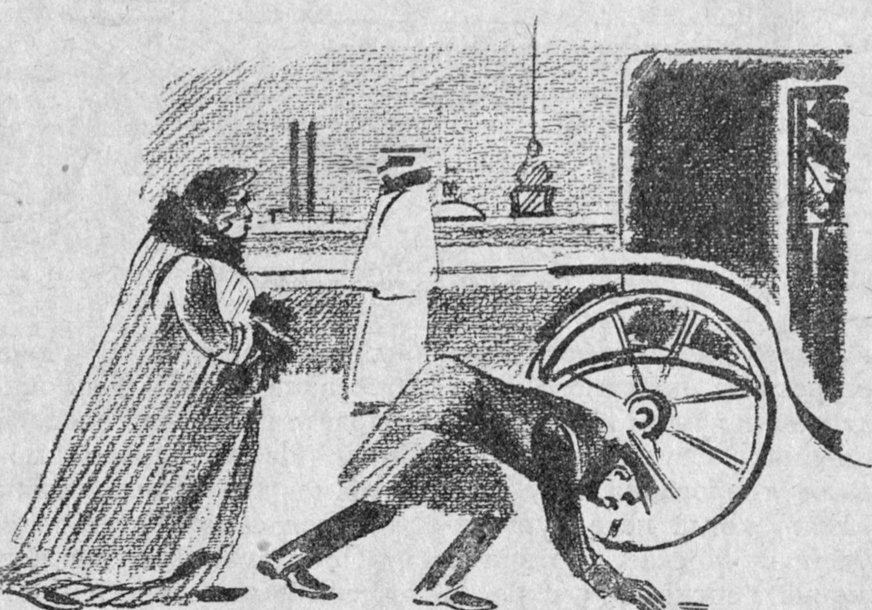
— Вас видели на-днях в университете.

— Я — вольнослушатель университета.

— Где вы были вчера вечером?

При этом вопросе Нечаеву вспомнилась прячущаяся фигура шпиона.

— Вечер велик. Мало ли где успел побывать. Чего вы, собственно, хотите от меня?

К ногам студента упала бумажка

Словесный поединок кончился поражением чиновника. За недостатком улик Нечаева пришлось выпустить. Уходя, он пообещал себе:

— Теперь буду осторожнее с проклятыми шпиками.

А нечаевцы все усиливали агитацию. На сходках раздавались уже чисто политические речи. В местах заседаний появились портреты Герцена, Чернышевского. Движение выливалось за университетские стены и уже

будоражило общество. Имя Нечаева становилось все популярнее. Последний арест окружил его новым ореолом. Третье Отделение начало нервничать. Посыпались обыски и аресты студентов. Граф Шувалов вернулся из дворца после очередного доклада мрачнее тучи и тотчас же вызвал к себе Колышкина. Канцелярия замерла, прислушиваясь к грозному рыку, доносящемуся из кабинета начальника. Наконец, дверь отворилась и показалась пунцовая физиономия Колышкина. Придя к себе, он вплотную подошел к сгрудившейся кучке филеров и, глядя в упор в их бегающие трусливые глазки, прорычал:

— Отыскать Нечаева!—и поднял сжатый кулак.

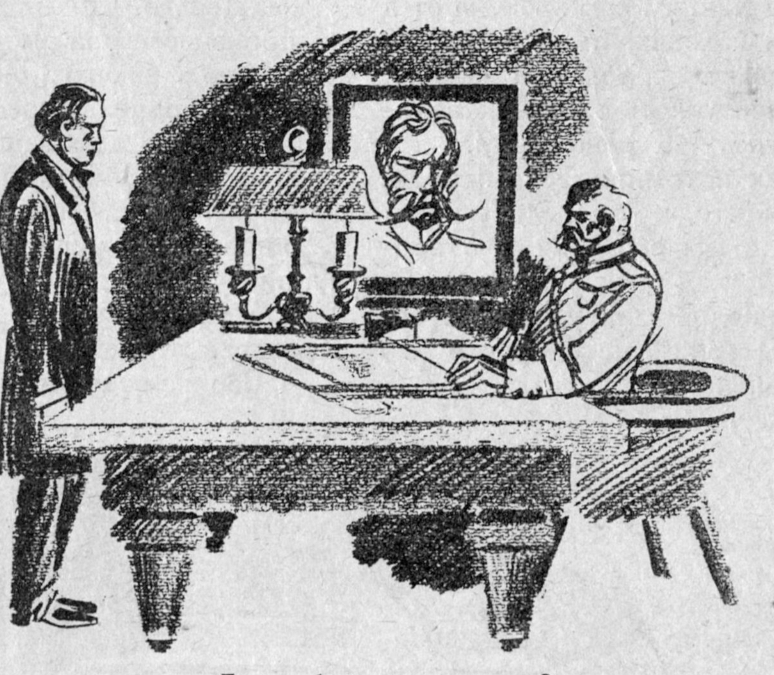
Филеры с удвоенной юркостью зарыскали по Петербургу.

Одновременно совершенно секретная, особо нужная бумага из столицы сообщила всей провинциальной полиции о розыске учителя Сергиевского приходского училища Сергея Нечаева.

Но в то самое время, когда встревоженный губернатор знакомил в Киеве своих подчиненных с секретным предписанием, киевские студенты впервые слушали рассказ приезжего товарища о произведенных кружком Нечаева петербургских волнениях. Студенты хотели выставить такие же требования и у себя; и в тот самый день, когда петербургский пакет был получен в Москве, москвичка Александра Ивановна Успенская, сестра Засулич, читала в тесном кругу письмо Веры:

— „...Имя Нечаева на всех устах. Его арестовывали (он успел выбросить в окно тюремной кареты записку); потом выпустили, теперь снова разыскивают. По настойчивости и энергии это исключительный человек“...

В тот самый час, когда бумага взывала к бдительности пограничных жандармов, Нечаев с чужим паспортом в кармане спокойно переезжал границу.

— Где вы были вчера вечером?

Глава вторая

В ИЗГНАНИИ

На почтамте чиновники-цензоры читали письма из-за границы.

„Царским жандармам не удалось меня схватить!.. Шлю вам, мои дорогие товарищи, эти строки из чужой земли, на которой не перестану работать во имя великого связывающего нас дела“.

Веселый молодой человек, читавший письмо, от неожиданности подпрыгнул на стуле. Вытаращенные глаза побежали вниз и споткнулись: как скала перед носом цензора выросло имя—Ваш Нечаев.

Он упал обратно на свое место, но тотчас снова вскочил, бросился из почтамта и побежал в Третье Отделение.

С каким-то опасливым ожиданием с этого дня цензор вылавливал из кучи корреспонденций пакеты с иностранной печатью и каждый день с ужасом обнаруживал десятки нечаевских прокламаций. Они рассылались по сотням разных адресов и в сотнях экземпляров кричали об одном: крепитесь. Не бросайте борьбы. Помощь идет. Нечаев собирается с новыми средствами, с новой энергией. Из их намеков можно было понять, что мощная революционная организация готовится скоро показать себя.

Прокламации снова испортили прояснившееся было настроение в Третьем Отделении. Студенческое движение стало спадать. Массовые аресты обескровили его и лишили вождей. Казалось, уже все успокоилось. Только самый неукротимый и самый опасный из этих бунтовщиков, Нечаев, ушел от полиции. И вот случилось худшее, чего можно было опасаться. Нечаев поднял за границей знамя открытой революционной борьбы. Начинает вокруг себя собирать прежних друзей и соратников.

Отныне Нечаев и Третье Отделение стали врагами не на жизнь, а на смерть.

(Продолжение следует).

ПОБЕДА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Рассказ Е. БОБИНСКОЙ

Иллюстрации художника А. БРЕЯ

Это был только спектакль. И даже не настоящий спектакль, а инсценировка рассказа Алтаевой „Герои Коммуны".

А все-таки...

Может быть оттого, что полчаса тому назад товарищ из райкома рассказывал про Парижскую Коммуну и рассказывал с таким жаром, теперь казалось ребятам, что это не спектакль и что все происходит на самом деле.

И когда на сцену вбегает Юра Гаршин в синей блузе и в красном кэпи на голове, с винтовкой в руках и радостно восклицает: „Папа, меня приняли в „Национальную Гвардию", этот оклик встречает живой отзыв в сердцах детей в густо набитом зале. Юру зовут теперь Андрэ. В своем новом костюме он кажется выше и старше. И когда, размахивая винтовкой, он говорит, что в Париже теперь Коммуна, что все изменники убежали в Версаль, а город в руках рабочих—все ребята, сколько их есть в зале, готовы вместе с Юрой защищать Париж.

За сценой раздается шум многих голосов и крики: „Да здравствует Коммуна!" Вбегает Маня Широкова из 6 группы, в завязанном на-крест на груди платочке и белом чепце на голове. Маню теперь зовут Мари. В руках у нее корзина с бельем. Она быстро ставит эту корзину на стол и при виде брата весело хлопает в ладоши.

— Андрэ—солдат Национальной Гвардии!

Потом Мари кидает свой чепец на стол и говорит, что теперь не время гладить воланы для прекрасных дам, так как прекрасные дамы бежали в Версаль, и „мы уже постараемся, чтобы они не вернулись больше! Теперь все должны работать для Коммуны!"

— Ты знаешь, мама, Коммуна всех детей приняла на свое содержание. Все долги рабочих аннулированы, и никто не смеет выбрасывать рабочих из квартиры. Погоди, толстопузый Мартын, — грозит Мари, — ты не будешь больше приставать к нам с квартирной платой, кончилась твоя власть!

Слышится стук барабана и звуки „Марсельезы", потом клики: „Да здравствует Национальная Гвардия, да здравствует Коммуна!"

В комнату вбегают два мальчика, тоже в синих блузах, с ружьями в руках.

— Марсель! Пьер!—восклицает Мари, — вы тоже в Гвардии?

Но Марсель ужасно спешит.

— Андрэ! — кричит он,— на пост! Надо защищать Монмартр! Версальцы окружили Париж!

Мари тоже хочет воевать с версальцами. Она берет ружье Марселя, одевает на голову его кэпи. Оркестр опять играет „Марсельезу", а мать плачет, что и Андрэ и Мари убьют версальцы, и она останется одна-одинокая.

— Не плачь, мама,—говорит ей Андрэ,—если меня убьют, Коммуна выплатит тебе 500 франков. Ведь это очень много, мама!

Уходя уже, он возвращается и говорит матери:

— Дай мне часы отца, ведь я уже взрослый.

Мать вынимает из сундука часы и подает Андрэ.

Все ребята в зале вытягивают шеи, чтобы разглядеть часы. Часы большие, серебряные, но без цепочки. Андрэ прячет их в карман. На улице (т.-е. за сценой) опять раздается стук барабана, и все выбегают.

Занавес опускается. В зале зажигается огонь и сразу становится очень шумно. И только теперь видно, до какой степени тесно. Может быть, не было бы так тесно, если бы не то, что первые два ряда лавок заняли ребята из колонии для беспризорных. Все они коротко подстрижены и одеты в синие холщевые блузы.

Катя Ногина из пятой группы сидит во втором ряду, как раз позади большого рябого парня из колонии. Она видит, что у него даже уши покраснели от волнения, и он все еще аплодирует, хотя занавес давно уже опущен.

— Чему тут радоваться? Кончится, наверно, печально. Они все погибнут, увидишь! — говорит Катя сидящей рядом с ней Марте.—Коммуна погибла, „затопленная в крови". Ты слышала, что говорил товарищ из райкома?

— Но кто-нибудь, может быть, и спасся,—пробует ободрить себя Марта.

Марта очень не любит, когда что-нибудь печально кончается.

Но Катя неумолима.

— Видишь, на афише стоит: „Герои Коммуны". Раз герои, значит все погибли.

Сидящий рядом с ними Федя тоже подтверждает, что вся Коммуна погибла и никто не спасся.

Марта толкает Катю локтем.

— Андрэ, на пост! Надо защищать Монмартр!

— Будешь реветь? Я-то наверняка буду, я всегда реву.

Федя презрительно пожимает плечами.

— Чего тут реветь? Ведь это только спектакль.

Занавес подымается. На сцене высится настоящая баррикада из столов, стульев и сенников. На вершине баррикады—Марсель. Он держит в руках красное знамя. Подле него Мари с ружьем, Пьер и двое рабочих в синих блузах.

И, может быть, оттого, что за сценой раздаются настоящие выстрелы, всем в зале становится страшно и кажется, будто все это „на самом деле".

Но Андрэ не видно.

— А, вот он! Прибежал с ружьем в одной руке и с какой-то посудой в другой.

— Что это он несет?

— Мари, Марсель!—восклицает Андрэ,—я принес вам немного вареного собачьего мяса—мама прислала.

— Слышь—они ели собачье мясо,—пробегает по зале шопот.

— Тсс-тс... тише! Андрэ что-то говорит.

— Монмартр взят! Монмартр горит!

Всем видно, что Монмартр горит, ибо сцену заливает вдруг красное зарево. На вершине баррикады в свете этого зарева пылает красное знамя, и кровавый отблеск падает на лица защитников. А там стреляют, все стреляют!

— Беги, беги, Андрэ!—восклицает Мари.

Но Андрэ не может бежать. Из рук Марселя вдруг выпадает знамя. Марсель падает на баррикаду.

Андрэ подхватывает знамя и водружает его вновь на баррикаде. Потом все начинают стрелять: и Мари, и Андрэ, и Пьер. Но все напрасно. На сцену то-и-дело вбегают с криком: „Форт Изу взят! Париж горит! Орудия версальцев переправляются по реке!"

— Что это?

Бум! Бум! Это орудия версальцев палят в Париж.

И все уже погибло. Вот и Мари падает на баррикаду. И смертельно раненый Пьер кричит: „Да здравствует Коммуна!" Двое рабочих тоже убиты.

На баррикаде остается один только Андрэ на страже красного знамени. Он как будто сам пылает в свете яркого зарева и стреляет, стреляет без устали.

Что это? Помощь? Нет, это версальцы вбегают на сцену с криком:

— Смерть коммунарам!

— Как? Этот ребенок один защищает баррикаду? — восклицает офицер.—Брать его живьем!

Его окружают, стаскивают с баррикады.

— Говори, щенок, сколько пуль ты в нас выпустил?—спрашивает офицер.

— Я считал до пятидесяти, потом перестал считать,—отвечает Андрэ.

— К стенке его!—приказывает офицер.

Андрэ мужественно становится у стены. Но вдруг он что-то припомнил. Он вытаскивает часы.

— Разрешите мне отнести эти часы моей матери, она тут неподалеку. Я вернусь, сейчас же вернусь.

Офицер колеблется.

— Ну, иди,—говорит он.

Андрэ убегает, а двое версальцев начинают спорить.

— Нам дан приказ всех расстреливать,—говорит один.

— Но, господин капитан, ведь это еще ребенок,—возражает другой.

— Этот ребенок убил у нас 10 человек!—бесится капитан.

Но Андрэ возвращается, запыхавшись.

— Вот я!—и выпрямившись во весь рост, он встает перед офицером.

— Так ты вернулся?—изумленно спрашивает офицер, но тут же, строго хмуря брови, отдает приказ:

— Становись к стенке! Солдаты, пли!

Солдаты берут на прицел.

Вдруг из второго ряда стульев раздается отчаянный детский вопль:

— Юра! Юра! Они убьют его!.. Убьют!

Солдаты машинально опускают ружья. В зале движение. Юра-Андрэ, так отважно глядевший смерти в глаза, смущается. Это плачет его маленький братишка, он все портит.

На вершине баррикады пылает красное знамя

— Тс-тс... тише!—кричат в зале.
— Пли!—командует офицер.
— Юра! Юра! его убьют! убьют!

Отчаянный плач заполняет весь зал. Тщетно силится мать успокоить малыша, об‘ясняя ему, что это „в шутку“. Сама она плачет большими слезами, как же может ей поверить ребенок, что это в шутку?

Как же ей не плакать? Ведь это ее Юра, ее сын. Вот он какой, ее Юра! В последнюю минуту—и то помнит о матери. И как это он хорошо сказал: „у меня мать тут недалеко“. И подумать только, что это тот самый Юра, от которого дома ни шпагату, ни проволочки не спрячешь—все таскает на радио.

— Тише, тише, Вася!—унимает маленького мать. Но Вася все пуще плачет. Там и сям в зале раздаются всхлипывания. Марта ревет уже давно.

Офицер пытается спасти положение.

— Господин капитан, сжальтесь над этим мальчиком, ведь он совсем еще ребенок!

— Ребенок коммунара—наш смертельный враг!—отвечает капитан.—Солдаты, пли!

Ему отвечает пронзительный вопль Васи.

Вдруг происходит нечто совершенно неожиданное. Из первого ряда вскакивает рябой мальчуган в синей блузе.

— Ребята, выручай! На помощь Коммуне! Да здравствует Коммуна!—И в один миг он, а за ним все ребята из первого ряда уже на сцене, уже вырывают ружья из рук версальцев.

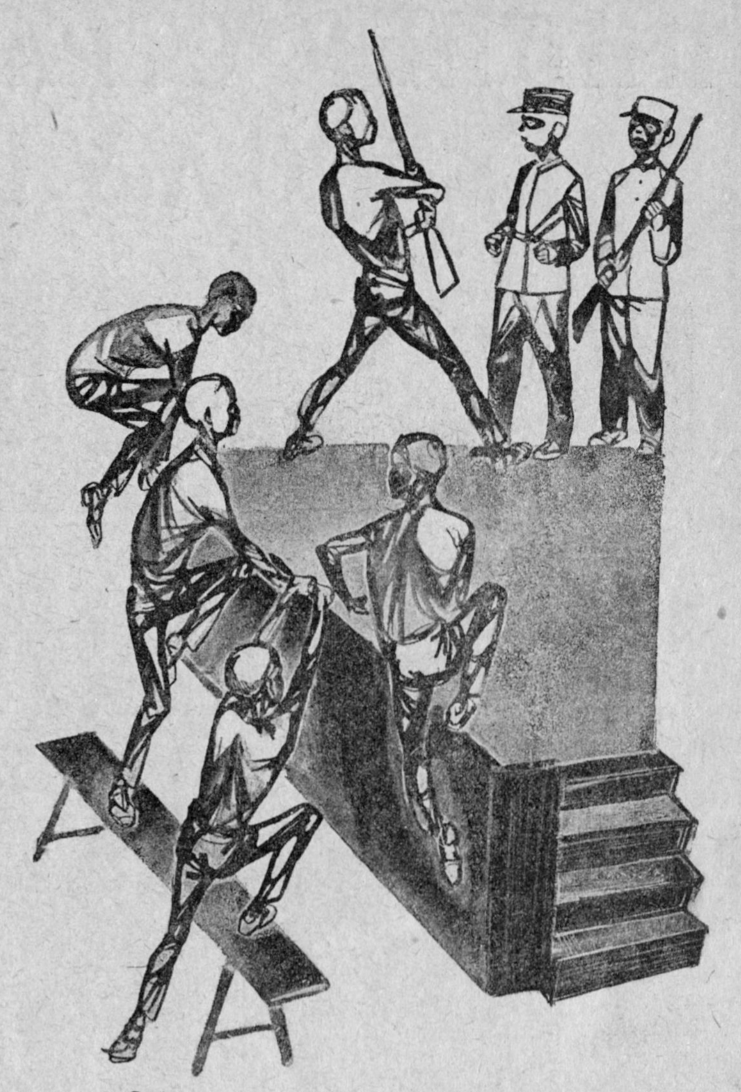
— Сдавайся!—кричит неожиданный защитник Коммуны.—Да здравствует Коммуна!

Этот возглас потрясает весь зал; в окнах дрожат стекла. Кто кричит, кто плачет. Вася, которого кто-то поставил на сцену, сжимает изо всех сил колени спасенного Юры-Андрэ. Баррикада вся запестрела синими блузами ребят из колонии.

Андрэ спасен. Он спасен наперекор исторической правде и вопреки программе спектакля и своей роли. На вершине баррикады вновь победно реет красное знамя в руках мальчика из колонии. Рябое лицо его пылает огнем в зареве пожара.

— Да здравствует Коммуна!

— Коммуна победила! Смерть версальцам!—новые коммунары кидаются к версальцам, обходя „трупы“ павших. Мари все еще лежит неподвижно с раскинувшимися кудрями. Только черные ее ресницы дрожат от света.

— Ребята, выручай! На помощь Коммуне!

— Да здравствует Коммуна! — кричат зрители и актеры, увлеченные, захваченные этим неожиданным концом.

Парижская Коммуна, задушенная, затопленная в крови в 1871 году, победила в 1927. Это случилось благодаря рябому мальчугану из колонии который первый крикнул: „На защиту Коммуны!“

РЕБЯТА и ДЕВЧАТА!

На 22 стр. в этом номере вы прочтете про „Ерша“. „Ерш“ — это самый веселый детский журнал. На стр. 12 в этом же номере мы первый раз выпускаем стенную газету читателей „Пионера“. Название газеты „Бумеранг“; а ну-ка, кто знает, что это за штука „Бумеранг“, чем и для кого он опасен? Пишите нам, нравится ли вам „Ерш“ и „Бумеранг“, и если нет, то почему?

ПИОНЕР СТРАНЫ СОВЕТОВ, СЛУШАЙ!

Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ т. ЧАПЛИН

РАБОЧИЙ СИГНАЛ

В Калуге, в Твери, в далеком Туркестане и в холодной Сибири, в огромных залах и в стенах скромных комсомольских клубов бьются о стены звуки пионерского сигнала: тра-та-та-та, тра-та-та-та. Это не обычный парад пионеров на каком-либо празднике. Сегодня труба звенит не только веселым призывом к дружному шагу. Сегодня в ее звуках слышится призыв к деловой большой работе. Комсомол проводит свои губернские и окружные с'езды. Почти одновременно во всех уголках нашей необ'ятной страны обсуждают сейчас комсомольцы вопросы работы среди пионеров. Через несколько дней с этих с'ездов и конференций потянутся к Москве делегаты, выбранные на всесоюзный с'езд комсомола.

В СТОЛИЦЕ

А в Москве в эти дни будет особенно шумно на вокзалах и в общежитиях: приезжают делегаты VIII с'езда комсомола. С разных концов СССР соберутся они сюда, их будет не меньше тысячи человек, не считая гостей, которых наберется столько же. Каждому комсомольцу интересно взглянуть на с'езд, посмотреть, что там делается. Заглянем и мы с вами.

Всегда толпою ходят по двору общежития делегаты национальных организаций. Кого, кого здесь нет! Узбек в пестром восточном халате, молодой горец и горянка, своей танцующей походкой переходящие двор.

Сам с‘езд откроется только 5 мая, и поэтому делегаты спешат до начала работ осмотреть музеи, театры и картинные галлереи. Тут же составляются группы экскурсантов, которые под руководством опытных руководителей растекаются со двора общежития в разные культурные уголки Москвы. Скоро начнется деловая работа.

VIII с‘езд—это очень важное и большое событие в жизни комсомола и детской организации. Комсомольское и пионерское движение за это время сильно выросло. Достаточно указать, что число членов комсомола сейчас достигает огромной цифры в 2 миллиона человек, а число пионеров чуть-чуть меньше. За свою работу по защите советского государства комсомол награжден орденом Красного Знамени. Этой высшей наградой в праве гордиться каждый комсомолец.

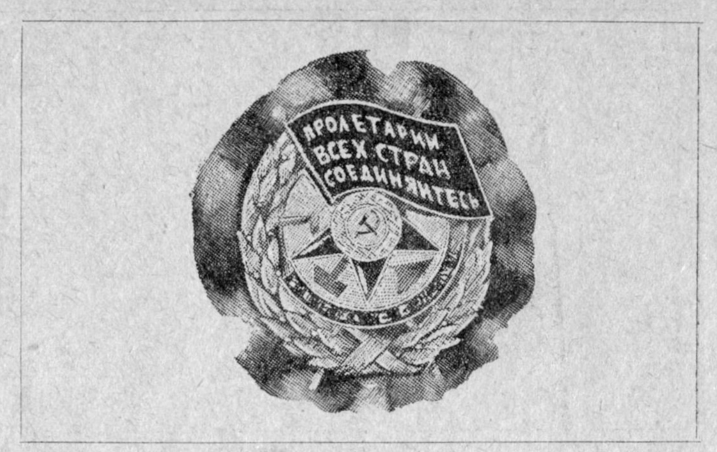
Н. И. Бухарин

Н. К. Крупская

О ЧЕМ СЛУШАТЬ

Много пройдено, много сделано, но еще более предстоит сделать впереди. На своем с‘езде комсомольцы будут сегодня разрешать все важные вопросы своей работы. Тут и вопросы о международном положении, и вопросы о грамотности, культуре и образовании, и вопросы о пионерском движении. Последний доклад, который озаглавлен так: „Работа среди детей“—будет делать старый друг детей и пионеров, наша горячо любимая Надежда Константиновна Крупская.

За боевые заслуги перед революцией комсомол награжден орденом Красного Знамени

Поможем ей и с‘езду правильно разрешить все наши нужды и заботы. Сама Надежда Константиновна надеется на нашу помощь.

Надо будет на страницах наших детских газет и журналов сообщить все наши предложения и советы, что надо исправить, что сделать, чтобы лучше работали пионерские клубы, пионерские форпосты в школе и пионерские отряды.

Пишите об этом же нам в журнал. Мы передадим Надежде Константиновне, она будет очень благодарна.

Привлекайте своих вожатых к этой работе. Если трудно будет написать, спроси у вожатого и у комсомольца совета, чем ты можешь быть полезным при обсуждении в комсомоле вопросов о твоей организации.

Настраивай на Москву свой приемник!

Пионерская миллионная армия, чутко прислушайся к тому, что будет делаться на с‘езде! О работах и результатах с‘езда мы еще расскажем на страницах нашего журнала после окончания с‘езда.

Пожелаем же успеха с‘езду в работе.

Привет VIII с‘езду Ленинского Краснознаменного Комсомола от пионеров СССР!

Комсомольцы—делегаты

Столица Норвегии г. Осло ночью

КАК МЫ ЕЗДИЛИ В НОРВЕГИЮ

Очерк Дм. Р—ОВ

В середине февраля двинулась из Москвы ватага в 70 человек спортсменов. Через пару дней их неприветливо встретила Финляндская граница. Еще через день они осматривали Стокгольм и, наконец, остановились в Осло — столице Норвегии.

Ехали они с юга на север, но чем дальше уходили они от Москвы, тем в более теплые края они попадали. И если Москва-река была покрыта льдом, то Ботнический залив наша ватага переплыла на пароходе.

А ну-ка, подумайте, об'яснить это странное явление? А пока вы будете думать, я расскажу вам, что делали наши 70 ребят за границей.

Норвегия — небольшая страна. В ней нет ни своей развитой промышленности, ни своего сельского хозяйства, и издавна норвежцы занимаются, главным образом, двумя промыслами: рыбным и извозным.

А извозный промысел норвежцев несколько отличается от извозного промысла наших крестьян. Это—морской извозный промысел. Маленькая Норвегия имеет один из самых больших в мире торговых флотов, и не даром зовут ее „мировым извозчиком“.

Почему именно этот промысел развит в Норвегии—станет ясно, если посмотреть на географическую карту. С древних времен норманны славились, как отважные мореплаватели. Их горделиво вырезанные лодки заглядывали в далекие неизведанные страны.

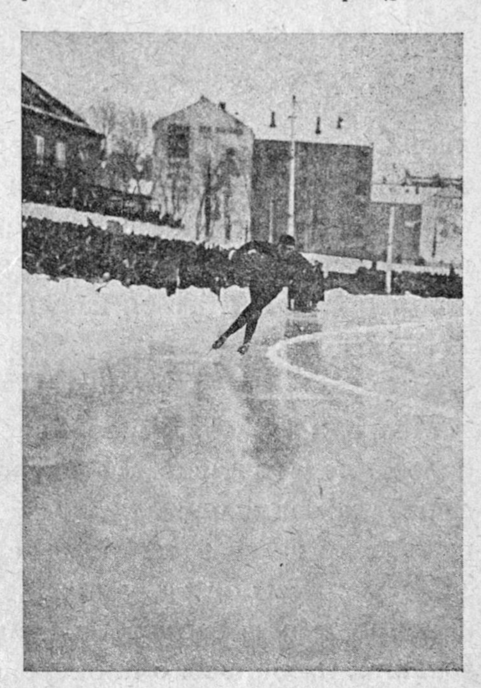
— И знаете,—рассказывал мне один норвежец,—это вовсе не Колумб, а мы, норманны, открыли Америку. На берегах Гренландии найдена норманнская лодка тысячелетней давности. Значит, еще лет за 500 до Колумба мы, норманны, доплывали до берегов Америки.

В маленькой Норвегии сильно развит зимний спорт.

Утром, часов в 8, выходите вы погулять по Осло, и первое, что вам бросается в глаза,—это огромное количество лыжников. Ими усеяны площадки трамваев, они бегут посредине улицы, на лыжах—дети, с лыжами—подростки, то тут, то там промелькнет и старичок на лыжах.

Мимо вас пробежит автобус, и вы недоверчиво будете глазами хлопать: стенка автобуса, как щитом, покрыта лыжами. Вы спрашиваете у вашего спутника, и он об'ясняет вам, что автобус усеян крючками. Лыжник прикрепляет лыжи к крючку, садится в автобус и преспокойно едет десяток верст. В стране, где каждая семья имеет хоть одну пару лыж, никто не боится, что украдут его лыжи.

И, конечно, школа служит там важнейшим рассадником спорта. Нас привели в одну школу, которая в Осло считается образцовой.

Наибольший интерес вызывали конькобежные соревнования

Признаться, в учебном отношении и в деле организации учащихся эта школа далеко отстала от нашей. Но зато она выше нашей по спорту.

Большой бассейн для плавания бросился нам в глаза. Оказывается, что обучение плаванию обязательно в этой школе. Мы увидели комнату, уставленную лыжами; оказывается, что и этому спорту обучают здесь детей.

А впрочем, если из моего рассказа вам показалось, что в норвежской школе все обстоит благополучно, то вы ошибаетесь. Во всем, кроме спорта, они далеко отстали от нас. Та же школа которую мы осматривали разделена на две между собой не сообщающиеся части: в одной учатся мальчики, в другой девочки. Мы поинтересовались: к чему такое разделение,—и сопровождавшая нас учительница презрительно заявила:

— Ничего не может быть хуже и некрасивее, чем совместное обучение мальчиков и девочек!

Что, как вы думаете, могли мы ей ответить?..

В этой стране массового спорта были устроены международные рабочие спортивные соревнования, на которые с'ехались представители 7 стран. На эти-то соревнования и ехали 70 русских спортсменов.

В один и тот же день на двух разных катках бежали рабочие и буржуазные спортсмены.

Кто из них будет побит? Кто покажет лучшее время?—вот что волновало в этот день Осло.

Советские конькобежцы прошли лучше буржуазных спортсменов

Норвежские рабочие встречают наших спортсменов

И победили мы. Молодой норвежский рабочий Энгнастанген и русские конькобежцы Мельников и Кушин прошли лучше буржуазных конькобежцев.

Несколько хуже шли наши спортсмены по лыжам и уже совсем плохо по прыжкам с гор на лыжах. Да это и понятно! В то время, как в СССР рекордный прыжок был сделан на 22 с небольшим метра, в Норвегии рекордный прыжок сделан почти на 70 метров.

Но в целом по всем видам спорта наши спортсмены шли лучше всех, привлекая общее внимание к себе.

Я бы мог на этом кончить мой небольшой рассказ, но я знаю, что вы останетесь недовольны, если я ничего не расскажу вам о норвежских пионерах.

В большом спортивном зале я по вечерам следил за состязаниями по боксу и по французской борьбе. Мимо меня то-и-дело пробегали двое парней одетых в причудливую форму и непрерывно выкрикивающих:

— Шоколядэ, шоколядэ!

С этими ребятишками я подружился. Мы не умели разговаривать, но, завидя друг друга, мы приветливо улыбались и вежливо раскланивались.

Однажды, распродав свой шоколад, маленький торговец подошел ко мне. Я почему-то поднял палец, и, твердо отчеканивая слова, начал учить:

— Скажи: Москва!

Он понял, осклабился и повторил:

— Мо-сква...

— Скажи: Ленин!

— Ле-нин...

— Скажи: Ленинград!

Но тут инициатива перешла к моему собеседнику, и он быстро выпалил:

— Карл Либкнехт, Роза Люксембург...

И затем, тыча себя в грудь, отрекомендовался:

— Норжске пионер (норвежский пионер).

Я обрадованно пожал ему руку, заявил, что „пионер—вери гуд“ (пионер—очень хорошо), и почувствовал себя уютней.

Вдруг подбегает другой маленький торговец и жестами, из являет желание принять участие в беседе. Я обращаюсь к нему с вопросом:

— Пионер?

— Икке, бой-скаут (нет, я бойскаут).

— Ай-ай-ай! Икке гуд (нехорошо).

Я взял ребятишек за руку и пошел знакомить их с русскими спортсменами. Все они приветливо улыбались пионеру и неодобрительно хмурились по адресу бойскаута.

А когда вечер кончался, бойскаут через переводчика передал мне, что с завтрашнего дня и он станет пионером.

Ну что ж, пора кончать. Нам осталось только выяснить, почему в то время, как Москва-река была льдом покрыта, мы плавали по северной части Балтийского моря.

А ну, кто из вас догадался, пусть напишет об этом в „Пионер“.

Год издания 1-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

БУМЕРАНГ № 1

АПРЕЛЬ СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ 1928 г.

ИЗЖИВЕМ ХУЛИГАНСТВО

У нас, да и в других школах, замечается проявление хулиганства в школе. При выходе из класса на перемену некоторые ребята усиленно работают локтями, толкаются. Ударить товарища, хватить девочку за косу, выругаться, толкнуть кого-нибудь — у школьников вошло в привычку. В нашей школе, например, можно заметить такое на переменах. Собирается веселая „шпана“, делится на две партии. Каждая партия занимает место у стены неширокого коридора. Школьник, дерзнувший пройти через этот „чортов“ проход, подвергается беспрерывному киданию от одной стены к другой. После такой „операции“, ученик долго не может притти в себя: в голове шумит, в глазах туман.

Поломать парту, разбить стекло, написать глупость на стене школьники считают необходимостью.

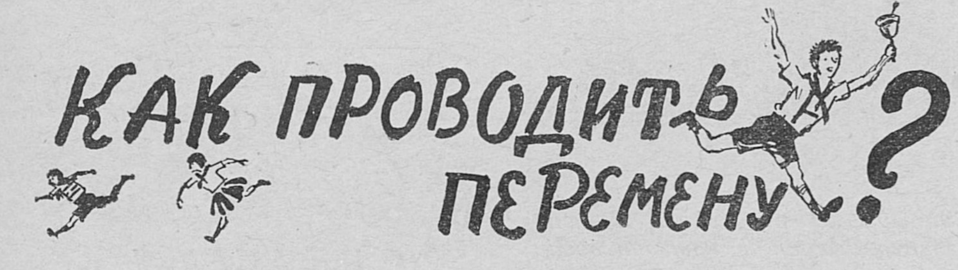
На улице затрагивают прохожих, толкаются, пишут на телеграфных столбах и т. д.

Как же бороться с этим? Нужно провести беседу о вреде хулиганства. Многим ребятам такая беседа безусловно поможет. Но есть среди ребят и злостные хулиганы, которым беседа вряд ли поможет. К таким нужно подходить строго: поставить вопрос в отряде, на пед. совете, в учкоме или передать на разбирательство ДДС (Детский дисциплинарный суд).

А самое действительное средство—это если сознательные ребята противопоставят свою организованность хулиганству, будут останавливать и призывать к порядку хулиганов, организуют проведение досуга.

Хулиганство—большое зло, и этому злу не должно быть места в пролетарской школе.

АССИР ЛИТВАК

КАК ПРОВОДИТЬ ПЕРЕМЕНУ?

Нередко останавливаешься в нерешительности и не знаешь, что делать: бегать, поиграть в „ловитки“, ясное дело, нельзя; покататься на катке (если только во двор пустят) тоже нельзя (упадешь, расшибешь голову, такие случаи у нас были); собраться поиграть—в помещении тесно, а на улице холодно, к тому же никому из ребят не хочется в игре быть „кому-то“ подчиненным, они хотят быть вольными. Остается только сидеть и, как говорится, „не рыпаться“. Многие предлагают вот что: пионеры должны собрать ребят, побеседовать и вообще... организовать ребят. Никто с этим согласиться не хочет: позанимались 40—50 минут, утомились, хотим отдохнуть, „размять кости“, повеселиться. Это требование справедливое. И вот результат: во время перемены у нас в школе (и вероятно не только у нас) стоит шум, гам, беготня, даже поесть спокойно не могут. Никакие меры не помогают: в коридоре дежурят педагоги, классном, и как лбом об стенку—ничего не помогает. „Мы хотим размять кости“. Что же делать? Как провести перемену полезно и главное не скучно?

ИОФФЕ

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Где хулиган?

ЛЕНТЯЙ

Я проснулся, потянулся,
А потом перевернулся,
Очень сладостно зевнул
И на улицу взглянул.

Как на улицу взглянул,
Так рубашку натянул,
Вставши, наскоро поел
И на речку полетел.

Прибежавши, искупался
И на солнце повалялся,
На песочке полежал,
На работу побежал.

А работаю я в меру,
Как должно быть пионеру—
Дурака весь день валяю
Или по лесу гуляю.

Я уроки не учу
И учиться не хочу,
На уроках все зеваю,
Или просто прогуляю.

Я мальчишек не боюсь,
В перемену все дерусь,
А за это, что дерусь,
Без обеда остаюсь.

Меня все не уважают,
Мужики все обижают,
Я девчонок все пугаю,
Или бабу обругаю.

Очень кошек не люблю
И все время палкой бью,
А пока прощайте,
Мой рассказ читайте.

Константин Гаганов

РЕДКИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

В школах и отрядах частенько попадаются „редчайшие экземпляры“. Вместо дела они занимаются пустяками и всячески мешают коллективной работе. Пусть они не беспокоятся! Их все равно достанет „Бумеранг“!

ФЛИРТ ЦВЕТОВ

(УССР, г. Херсон, 6-я школа, 6-я группа)

Некоторые ребята в нашей группе (фамилии называть не буду, потому что, думаю, после этой статьи они исправятся) очень „весело“ проводят время на уроке немецкого языка. Вместо того, чтобы следить за чтением, играют в „флирт цветов“. Они так увлекаются, что даже не слышат замечания педагога. Педагог подойдет, „флирт“ прячется, а уйдет—игра идет своим порядком. Главным застрельщиком является пионерка-комсомолка. На замечания пионеров, что вот, мол, играть перестали бы, она отвечает: „плевать я на вас хочу“. Так пионерка показывает пример неорганизованным ребятам. Замечания санкома, чтобы не грызла семечки, не помогают этой старой „закаленной“ пионерке-комсомолке. Что же тогда требовать от неорганизованных? Корчит из себя барышню. А между тем она в 1-м триместре была представительницей от группы в форпост. Я думаю, стыд и позор таким пионерам и школьникам. Они недостойны своего имени — пионер-школьник—которое несут.

„Свой“

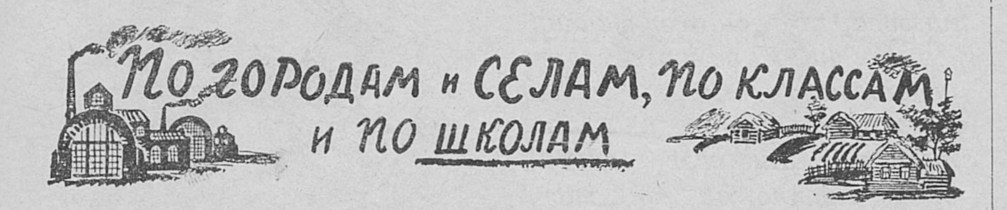
А ОН НЕ ПОНИМАЕТ

(г. Орел, 4-я совшкола)

В некотором царстве, в некотором государстве, в 3-м классе нашей школы есть хулиган—Дубровкин.

Идут занятия, он прерывает уроки. При учителях курит; учителя ничего не могут сделать: выгонят из класса—на него это не действует; заведующий школой станет говорить — он его не понимает, говорят ему, что из школы выключим,— он не боится. Ругается везде и всюду, никого не стесняясь. Уроки не делает. Вызовут родителей, а они говорят: делайте сами, что хотите, а нас „он не понимает“.

П. Степушкин

Землячка М. Горького

Вся наша Советская страна и вся наша советская общественность с должным вниманием отмечали 29 марта—юбилейную дату крупнейшего представителя пролетарского искусства и борца за нового человека—Максима Горького.

И долго и много будут о нем писать во всем цивилизованном мире. Я хочу здесь только рассказать об одном эпизоде, свидетельствующем о внимательности и отзывчивости нашего великого писателя к детям.

13-летняя Сусанна Маидс, проживающая в Н.-Новгороде, на ул. Ковалихе, узнав в школе о подготовке к юбилею Максима Горького и о том, что последний родился в Н.-Новгороде на Ковалихе, отправила ему приветствие по поводу его юбилея. В письме, между прочим, писала, что она, как уроженка г. Вильны, недовольна была нижегородским климатом и в особенности терпеть не могла грязную Ковалиху, которая стала „притчей во языцах“, и постоянно завидовала своим подругам, живущим на главных улицах города. Но сейчас, узнав, что М. Горький родился в Н.-Новгороде на Ковалихе, она гордится этим.

Ее 9-летняя сестренка, Елена, добавила в этом письме, что она еще более счастлива, т. к. родилась в Н.-Новгороде и как раз на Ковалихе и что эта улица переименовывается в улицу Максима Горького.

В ответ на это письмо девочки на-днях получили от Максима Горького заказным порядком его фотографические карточки. Одна с надписью: „Землячке Сусанне Маидс. М. Горький. Сорренто. 10.3.28“. Другая с надписью: „Землячке Елене Маидс. М. Горький. Сорренто. 10.3.28“. И, кроме того, фотографический портрет: М. Горький в своей рабочей комнате в Сорренто (фотография 1928 г.).

Радости девочек от этого подарка нет предела.

М. Добрусьев

НА ВЫСТАВКУ

Если бы в СССР открылась выставка воров и хулиганов-школьников, а также пионеров, то из 5-го класса школы № 39 г. Одессы были бы самые лучшие экземпляры. В класс нельзя ничего принести, а надо притти пустому и сидеть, хлопать ушами, а то иначе на первой перемене что-либо пропадет. То-и-дело слышно: то карандаш, то ручка или еще что-

нибудь пропало. 5-й класс отличается дисциплиной, как примером всей школы. То-и-дело что-нибудь да натворит. Всем учителям клички дал. Одним словом, молодцы ребята, и говорить нечего, так и просятся „на выставку“. Так вот я помещу их тут, в газете, может быть, они хоть немножко, да исправятся.

Владимир Ермиличев

ТАТУИРОВАННЫЕ ПАРТЫ.

(Село Демянск, школа II ступени)

В нашей школе крышки парт истатуированы основательно. Многие ученики, садясь на другую парту, считают обязательным долгом вырезать на ее поверхности свое имя или фамилию. На такой парте, на отдельном листке, не подложив что-нибудь, писать невозможно, так как карандаш, попадая на место выреза, проваливается и продырявливает листок. Я взял листок бумаги и

попробовал писать. Исписав его до конца, я увидел, что он превратился в решето. На моей парте свыше 20-ти надписей и рисунков. Не подумайте, что моя парта исключение: больше половины парт нашего класса имеют такой вид.

Ученики должны помнить: если они портят парту или другую школьную вещь, то школы наши не настолько богаты, чтобы приобрести ее снова.

Егоров Кронд

УЧИТЕЛЬНИЦА и РЕБЯТА

Я зашел в школу.
Шум, гомон.
Почти никто мне незнаком. Я недавно приехал, и все мне здесь ново и чуждо, да и сам я также всем нов и чужд.
Входит учительница.
— Внимание!—говорит она.
Но внимания нет.
— Шапки долой!
Все снимают.
Снял и я и прошел к задней парте, сел.
— Тише!—кричит учительница.
Но тишины нет.
— Тише!!!
Но...
—А-а-а!.. Так-то вы начинаете урок?! Ладно же!.. Становись в ряд!
Класс притихает. Неохотно становятся в ряд.
— Ты почему на уроке шалишь?—это вопрос к каждому по очереди.
Каждый отвечает обиняком.
— Это не я!—громко, на весь класс орет Митька Леховит.— Ей-богу, не я! Это они...
— А почему в классе вчера не был?
— М...м... голова болела...
— А на коньках катался?
— Катался!—кричит кто-то.
Митька ему показывает кулак.
— Так-то!—говорит учительница,—значит кататься голова не болела?
— Подымайте руки вверх! Вот и будете так стоять весь урок... Это вам наказанье!
Начался урок.
Как-то дня через три я снова зашел в школу. Было 22-е января день памяти Ленина.
— Борис,—говорит учительница,—у нас будет доклад, хор, спектакль... Ты что-нибудь скажешь?
— Хорошо,—отвечаю,—скажу.
И жду.
А начало должно быть в 11 часов.

Одиннадцать...
Двенадцать...
Час...
Но собираются плохо. В „пионерской комнате“ всего лишь 20—30 человек.
Говорят, накануне девочки ходили в ячейку ВЛКСМ.
Плакали, жаловались.
— Нас по пяти часов заставляют стоять с поднятыми руками вверх, так что под конец руки совсем затекают, мертвеют... Это жестоко. Мы не можем так учиться...
Половина второго.
— Так...—говорит учительница.—Что же это—саботаж, бойкот, стачка? Ну-с, мы запишем кто не пришел, а завтра я их не на пять часов, а на двенадцать поставлю. О том, как вас наказывали, вы ревели, а о том, как вы себя ведете—об этом небось и не заикались?..
Митька сзади состроил учительнице рожу. Кто-то заметил:
— Митька а я скажу...
— А я побожусь и скажу, что ты на меня набрехал...
— Ребята, — продолжает учительница,—сегодня день памяти Ленина... И те которые не пришли, кого же они бойкотируют в первую очередь?.. Не меня, выходит, а Ленина... Ну, что с того, что я их наказала? Ведь с вашим братом нельзя иначе. Если к вам с лаской, то вы скоро на головах ходить станете... Не пришли и не надо. Начнем без них.
Стал подниматься занавес.

Я написал эту заметку без прикрас, так, как было. И не сужу ни о ком, но спрашиваю: кто же тут виноват или прав—учительница или ребята?

Борис Ветров

ОТ РЕДАКЦИИ. Ребята, пишите в редакцию, что вы об этом думаете.

ЭТОГО учителя ЗАГОНИМ!

Часто в школах организовываются компании ребят-бузотеров, которые занимаются исключительно тем, чтобы загнать того или иного учителя, т.-е. подрывают работу так, чтобы учитель сам ушел. Это явление можно заметить во всех школах г. Одессы. Вот яркий факт в трудшколе № 52, в Одессе. Как-то раз на уроке пения группа бузотеров решила сорвать этот урок. Пришел учитель (учитель косой).

— Здравствуйте, дети.

А ему в ответ все:

— Здравствуйте, косой!

Дальше: группа ребят, конечно, пионеры, затягивают любимую песню беспризорных: „Дядя, дайте мне копейку, мне на шкалик нехватает“. После этого учитель уходит. Не забывайте, читатели, что во всех этих компаниях участвуют пионеры. Помоему, это можно будет изжить тогда, когда этих ребят-бузотеров будут просто исключать. Ребята, не мешало бы по этому вопросу высказаться. Пишите об этом в „Бумеранг“.

М. Волченок

ЖУТКИЕ КАРТИНЫ

(г. Киев)

Когда у нас урок, то ребята больше разговаривают, чем учатся.

Когда идет урок русского языка, мы пишем диктовку, но как только звонок—все брошено; так мы никогда и не кончаем диктовки.

Был у нас такой случай: бежали два мальчика и ударили друг друга носами, и у них пошла кровь из носа.

Есть у нас горячие завтраки. В столовой кричат: „даешь шамовку!“

По вторникам бывает кино. Механик долго заряжает аппарат. У ребят лопается терпенье. Они кричат, что механик делает то, чего не умеет, говорят, что набьют ему шею, а когда он порвет ленту или сожжет ее, ребята кричат: „бей сапожника, бей!“ Раз, когда дежурный хотел остановить хулигана тот выбил ему зуб.

Тяжело учиться в нашей школе, товарищи! Помогите кто-нибудь.

Г. Гутман

ОТ РЕДАКЦИИ. А мы думаем, товарищи, что никто вам не поможет лучше вас самих. Общими усилиями всех сознательных ребят вашей школы положите конец хулиганству, не бойтесь только трудностей.

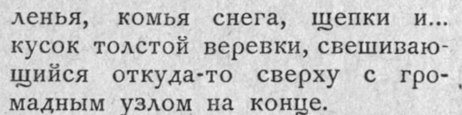

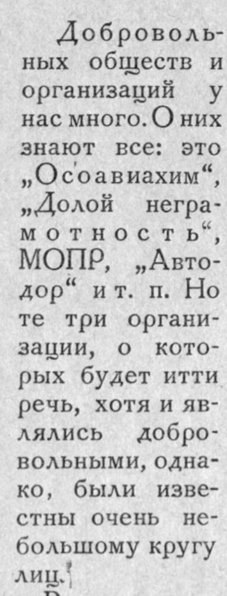
Всем, всем, всем

Начиная с этого номера журнала „Пионер“, в нем будет печататься стенная газета читателей „Бумеранг“. Шлите заметки, отклики, мнения, предложения.

КЛУБ НА ЗАДВОРКАХ

Очерк Н. ШАМЕТА

Добровольных обществ и организаций у нас много. О них знают все: это „Осоавиахим“, „Долой неграмотность“, МОПР, „Автодор“ и т. п. Но те три организации, о которых будет итти речь, хотя и являлись добровольными, однако, были известны очень небольшому кругу лиц.

Вместо миллионов членов все три организации вместе едва ли насчитывали три десятка членов. Да и вообще первые две организации старались остаться в неизвестности, и только случайно сведения о них выплыли на белый свет.

ГАРРИ ПИЛЬ В МОСКВЕ

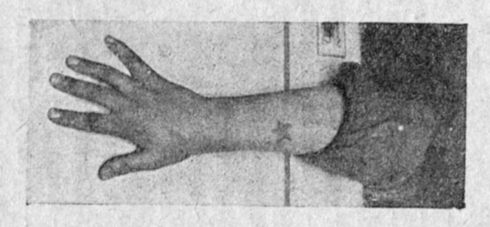
Вечер. Полуразрушенный сарай, заваленный дровами. Серая, таинственная фигура прокрадывается в темноте, натыкается на полено и с ужасным мексиканским проклятием падает на мерзлую землю.

Через пару секунд, после нескольких охов и потирания ушибленной коленки, вспыхивает огонек зажженной спички. В колеблющийся круг света попадают поленья, комья снега, щепки и... кусок толстой веревки, свешивающийся откуда-то сверху с громадным узлом на конце.

— Тьфу, чорт! Никто еще не пришел,—бормочет таинственный незнакомец. Догорающая спичка обжигает ему руку, и вновь слышатся те же ужасные проклятия. Незнакомец ощупывает левый карман куртки и садится на полено.

Темно, тихо и немного страшно.

Через несколько минут слышны чьи-то крадущиеся шаги, и в сарай влезают еще две, не менее таинственные, фигуры.

... кроваво выделяется красная звезда

— Кто?

— Дуглас Фербенкс и Альберто Лючиано! А ты кто?

— Гарри Пиль!

Не удивляйтесь, читатель, такой неожиданной встрече кинознаменитостей в Москве, ибо они собираются здесь уже не в первый раз.

В темноте сарая трудно различимы шесть фигур, сидящих в тесном кружке. Огарок свечки, поставленный на полено, смутно выделяет на фигурах красные галстуки.

— Товарищи!—говорит Гарри Пиль. — Мы поклялись спасти отряд от развала, бороться с хулиганскими поступками пионеров нашего отряда. Я первый исполнил наше торжественное обещание.

Из левого кармана Гарри Пиля появился конверт.

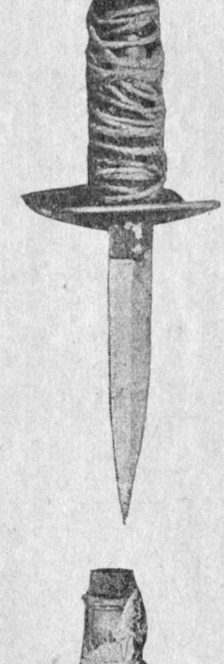
— Вот тут находится письмо пионерки Д. с ее карточкой к пионерке К. Мы должны разобрать, нет ли в письме чего-либо непионерского.

И шесть голов, нагнувшись под оплывавшим огарком, занялись разбором неразборчивых строк письма.

В текущих делах кино-герои приняли решение „на всякий случай“ каждому обзавестись кинжалом и бутылочкой с нашатырным спиртом. На этом заседание было закончено, и сарай быстро опустел.

Как далеко зашла бы деятельность кино-героев—они же пионеры-комсомольцы — неизвестно. Одному из кино-героев, более умному и развитому парню, все это показалось очень глупым—он рассказал вожатому. В результате кино-герои на бюро ячейки долго чесали в затылках, выслушивая очень неприятные вещи.

Дрова из сарая были все сожжены в печках. Таинственные собрания были ликвидированы, а в отряде ребят еще долго звали именами кино-артистов.

Предметы, необходимые каждому „Гарри Пилю“

— Клянемся спасти отряд!

ТАИНСТВЕННАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Пыхтя и отдуваясь, точно морж, который три часа искал прорубь, чтобы подышать свежим воздухом, взбирается по лестнице самый обыкновенный парень лет 13—14. У самой обыкновенной двери он останавливается и тоже самым обыкновенным образом звонит: два долгих, один короткий и опять один долгий звонок. Но дальше начинаются уже странные вещи. Дверь отворяется, и из нее показывается растрепанная голова, подозрительно оглядывающая посетителя.

— Тайный знак?

Посетитель закатывает рукав, и на руке кроваво выделяется красная звезда. Дверь широко отворяется и посетитель исчезает за ней.

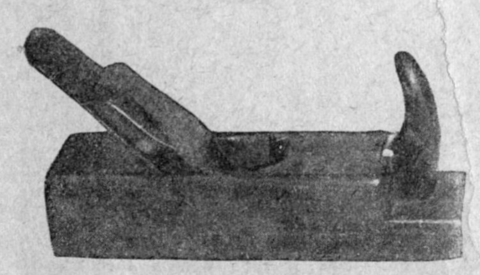
С небольшими промежутками появляются один за другим посетители с красными звездами на руке.

Внутри квартира имеет обычную обстановку. За столом человек 10—11 ребят с жаром обсуждают вопрос об устройстве экскурсии в Сокольническую рощу.

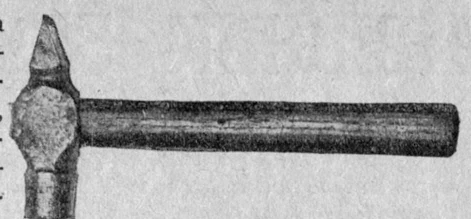
И через неделю вы могли видеть в Сокольниках палатку, возле нее костер, над костром котелок с весело булькающей водой.

Один из краснозвездочников под строгим секретом поведал нам кое-что об этой организации. Так как теперь краснозвездочников уже нет, то мы раскроем этот секрет всему миру.

— Нас несколько ребят было записано в детской библиотеке. Там мы читали, работали в кружках, писали в стенгазету. Потом мы решили создать свой собственный кружок, где бы всем вместе работать. А для того, чтобы взрослые нам не помешали, мы решили собираться тайно на квартире одного из ребят. На собраниях мы читали, играли, устраивали беседы, ходили на прогулки, и потом решили заняться техникой. Но не знали, выйдет ли у нас,— и решили кого-нибудь из взрослых пригласить для помощи.

Вместо увлечения кино-героями—полезные ремесла

Вместо кинжала—молоток

ДОМАШНИЙ КОЛЛЕКТИВ

В доме № 43 по улице Лакина в г. Муроме год тому назад состоялось малолюдное, но бурное собрание под председательствованием октябренка Лиды.

В докладе говорилось о том, что „мы видим иногда антисанитарное состояние квартир и двора. Много мусора и грязи. Жильцы мочатся у крылец и льют помои, и нам, пионерам и октябрятам, нужно бороться за гигиену и чистоту“.

Вместо таинственных собраний—мастерские

Постановление было принято с редким единодушием и гласило: „Организовать домашний коллектив пионеров. Собираться не менее двух раз в месяц, совместно с взрослыми и неорганизованными. Просить отряд, чтобы он руководил нами. Устроить в квартире Кульпиных ленинский уголок. Выпускать стенную газету раз в месяц, просить участвовать и взрослых. Название будет „Домашний коллектив пионеров“.

О дальнейших событиях предоставим слово самому „домашнему коллективу“.

„Мы легко додумались до организации домашнего коллектива, как будто поняли его задачи, но мы никак не могли связать работу отряда, школы и коллектива.

8-го марта мы выпустили стенную газету, которая понравилась даже взрослым.

В доме мы организовали кружок рукоделия. Была избрана (с ее согласия) руководительницей старушка Елизавета Дементьевна Варишкина. В кружке мы занимались вязанием и вышиванием, и на занятиях присутствовало до 15 человек. Работой мы очень довольны. Дина, 12 лет, связала полтора аршина узенького кружева. Лиза Кострова, 13 лет, связала 1 аршин широкого кружева. Она самая усидчивая и работоспособная. Остальные ребята выполнили много других работ.

В доме мы устроили ленинский уголок. Отряд нам не помогает, а это происходит оттого, что руководитель отряда ушел, а остальные не обращают на нас внимания. Очень трудно нам приходится, потому что взрослые не представляют себе, зачем мы организовали коллектив, и даже боятся, как бы наша стенгазета не прохватила кого-нибудь из них“.

Так медленно, через колючий кустарник затруднений, неудач, ошибок, недоверия пробирался „домашний коллектив пионеров“.

Он не занимался звездочками, кино-героями и кинжалами. Вместо кинжалов он орудовал лопатами, вместо увлечения кино-героями вязал кружева, а рисование звездочек было заменено рисованием стенгазеты.

А не последовать ли вам, ребята, примеру „домашнего коллектива“?

ДНЕВНИК ЗВЕНА „КРАСНЫЙ ПИОНЕР“

Ребята, из этого дневника вы узнаете, как мы ходили в гости в редакцию журнала „Пионер“, что такое редакция и как мы ее себе представляли до этого. Кроме того, Бобкинс стал не поэтом и решил изобретать и строить модели.

3 апреля.—Ребята,—начал Коля Булкин,—как всем известно, наше звено „Красный Пионер“ есть звено имени журнала „Пионер“.

— Совершенно верно,—хором ответили мы.

Мы пришли на Новую площадь

— Как всем известно, редакция журнала „Пионер“ находится в Москве.

— Совершенно верно,—ответили мы тоже хором, но немножко разрозненно.

— Как всем известно, мы тоже находимся в Москве.

Мы промолчали, а Коля Шамет жалобно сказал:

— Коля, что всем известно, и нам известно, скажи что-нибудь такое, что нам еще неизвестно.

— А не пойти ли нам всем звеном к редакции „Пионер“ в гости?—сказал Булкин.

Это предложение нас так поразило, что мы опять хором воскликнули:

— Коля, не испортились ли у тебя мозговые винтики, зачем ты околесицу бредешь?

Нет, вру—это мы не хором сказали, но смысл был совсем такой, как я написал.

Коля Булкин попросил нас сесть на звеньевой диван. Мы сели, и Коля Булкин стал выяснять, почему мы так удивились. По нашему мнению, выяснять было нечего, и Коля Солнцев выяснил это в таких словах:

— Ты думаешь, что это редакция стенгаза, что ли, ты думал, что ли, что там что-нибудь такое простое обыкновенное, что ли? Не понимаю я, что ты думал.

Тогда Коля Булкин спросил, как мы себе представляем редакцию, и выяснилось вот что. Записываю, что каждый говорил.

Коля Шамет. Машина. Шумит, фырчит, колесики крутятся маленькие, потом большие, потом электричество, пар, радио, машина пишет, набирает, печатает, выпускает и, значит, посылает,—опустил двадцать копеек — выскакивает журнал.

Коля Солнцев. Сад. Цветы себе гуляют, писатели растут. Тихо. Спокойно. Кругом тираж растет.

— Где растет?—спросил Коля Булкин.

— Как где? В саду, конечно?

Юля Анненкова. Сидит редактор пишет, пишет, пишет, пишет, отдохнет и снова пишет, а кругом милиционеры стоят.

— А зачем?

— А чтобы не мешали.

Сережка думал, что редакция в роде пожарной каланчи, а Володька—в роде лыжной станции.

Лиза Хащенкова думала, что там пионеры по очереди журнал пишут, а я вообще ничего не думал. Не приходилось как-то. Ничего не попишешь.

Коля Булкин сказал, что все это глупости, и попросил нас вытрясти их из головы. Это нам не удалось, хотя мы трясли головами изо всей силы.

В конце концов решили пойти назавтра в редакцию. Вычитали адрес, телефон и даже подписную плату: 3 рубля в год, 30 копеек в месяц.

Б. Бобкинс

4 апреля. Пишу я опять, уже после редакции. Оказывается, все совсем не так, как мы думали, а совсем иначе.

Во-первых, она в Китай-городе, не в Шанхае, не в Пекине, а около Лубянской площади, на Новой. И почему эта площадь Новая— никак не пойму. Во-первых, это

— Посидите немного

вообще не площадь, а улица, и ничего нового на улице нет, кроме старинной Китайской стены. И стена неважная, Кремлевская много выше, и почему она китайская, когда кругом ни одного китайца, даже нарисованного?

Вошли мы в здание. Внизу тетенька-швейцар, и поздоровалась она со всеми очень вежливо и сказала.

— Я вот—товарищ Соловьева, а вы кто, и что вам нужно?

Коля, уж не помню который, не то Булкин, не то Солнцев, ей вежливо об'яснил, зачем мы и для чего. Пришли, мол, узнать, как и что.

Тетенька-швейцар вежливо спрашивает: „Что вам нужно?“

Поднялись на второй этаж. И очень нам показалось шумно, люди ходят, бегают, разговаривают. Это все в коридоре.

Видим, напечатано: Редакция журнала „ПИОНЕР“. И немного пониже—Редакция журнала „ЗНАНИЕ—СИЛА“. Тут Коля Булкин, как изобретатель, очень обрадовался, и мы всей гурьбой ввалились в дверь. Ввалились и стоим.

А в комнате шумно. Телефон звонит, как маленький ребенок, которого лет пять не кормили, люди громко разговаривают, перья скрипят. Смотрим, сидит в роде как бы пионер, во всяком случае, ну, с Колю Булкина, сидит и пишет. Мы к нему.

— Скажите, товарищ!

Он нас заметил, перестал писать и говорит:

— Вы, ребята, чуть-чуть подождите — сейчас секретарь придет с вами поговорит, а то я еще ученик здесь: только, только сам из пионеров, вот в комсомол передают. Да вы садитесь, ребята.

Мы хотим сесть, да что-то стульев не видать, в третьей комнате стоит один, да и тот занятый, а ученик нас ободряет:

— Стульев у нас в редакции маловато, вы садитесь на мой.

Сели мы все на один стул, Коля Булкин первый, я к нему на колени, Шамет ко мне, Солнцев к Шамету, и так все уселись.

Подходит к нам большой дядя с фотоаппаратом. „Посидите, говорит, немного“. Хлопнул, щелкнул, снял и еще благодарит.

— Спасибо,—говорит,—ребята. Очень интересно вы сидите, другим пионерам будет интересно на вас посмотреть.

Пришел секретарь, товарищ Шварц, на вид комсомолец, и нам понравился.

—Мы,—говорит,—очень заняты, номер готовим, но гостям рады. Коля! — закричал он,—к нам гости из отряда.

Как он сказал Коля, так из всех трех комнат—по голосу. Оказывается, и в редакции Коль много, не только у нас в звене.

Все, которые в редакции, нам очень обрадовались, и пошли мы все в последнюю комнату (а всех три), и тут фотограф нас опять снял.

Редактора эти все очень простые люди. Два с галстуком, остальные без, один лохматый—его зовут Боб, как нашего Бобкинса—он заведующий редактор; один Коля—самый главный редактор; другой в „Знание—Сила“ работает;

Видим, напечатано: Редакция журнала „Пионер“ и пониже—„Знание-Сила“

третий в больших очках, на нашего Колю Шамета похож. Один постарше с усами—Николай Петрович — в „Знание-Сила“ редактор. Может быть, не все они редакторы, но, по-моему, раз в редакции—значит редакторы.

Притащили нам скамейку, посадили всех и стали с нами разговаривать. Как, мол, у нас в отряде, да как ребята, да есть ли мастерские, да в лагерь едем ли. Мы все отвечали.

Потом стал нам редактор главный пионерский рассказывать про журнал. Журнал „Пионер“ живет уже четыре года. Пятый пошел. Напечатал много больших повестей: „Черный Яр“ Гумилевского, „Берко-кантонист“ Григорьева, „Джон Воркман“ Ганса Доминик, „Дэн-Шихуа“ Третьякова. И в самом деле, нашим ребятам все эти вещи понравились. Хорошие вещи.

Показал нам рисунки, которые товарищ Лиу-Лин делал.

Сели мы все на один стул

Один Коля показывает нам, как расклеивается „Знание—Сила"

Вообще рисунков в редакции на стенках понавешено—уйма!

Некоторые, я помню, в журнале были, только на стене они много большего размера. Их, оказывается, уменьшают потом.

Журнал сейчас печатается больше для старших ребят—в школе это 4, 5, 6-е группы и даже седьмые, а много материала и взрослым интересно читать. Например, „Дэн-Ши-хуа" или „Джон Воркман".

Очень много ребят в редакцию пишет, и на каждого, кто пишет, составляется карточка. Таких карточек в редакции больше двух тысяч, и кто бы ни написал—каждому ответ. И спрашивают у редакции все, что угодно—и по отрядной работе, и по школе, и по домашней жизни, и по радио. В общем, о чем хочешь. И пишут тоже про все. Только если все печатать, что посылают в редакцию, так ста журналов нехватит. Просто нет места все напечатать. Вот, говорил редактор, завели стенную газету читателей „Пионера" под названием „Бумеранг", в ней будут печатать такие детковоровские письма, которые интересны не только для редакции, а и для всех читателей.

Редакция все-таки просит всех писать. И нас тоже просила. Ну, мы им наш „Дневник звена" посылаем.

Чтобы веселее было, завели юмористический отдел „Ерш". Просят всех ребят писать про смешные вещи.

Очень нас хвалили за нашу работу по выписыванию журнала „Пионер". Она в прошлом „Дневнике звена" описана. „Стыдно,—говорит редактор.—Одних школ у нас 67 тысяч, а журнала всего 30 тысяч печатаем. А все потому, что ребята не агитируют за свой журнал. А ведь он недорогой—30 копеек в месяц". Я и вправду подумал: журнал и читать интересно, и в работе помогает, и школе, и всякие опыты, и со всего света, и задачи, и „Ерш", и „Бумеранг". По-моему, всем ребятам надо выписывать. И приложения еще дают, и ответы на каждое твое письмо.

Нам редакция очень понравилась, мы попросили их рассказать, как делают журнал. Это рассказывал один из редакторов—лохматый и играет на носу не хуже Бобкинса, а может еще и лучше. Они вместе играли потом.

Написал писатель рассказ. Присылает в журнал. Прочитывает лохматый и говорит: хорошая вещь, понравится ребятам; дает главному, и тот говорит—хорошо. Если вещь большая—все прочитывают. Потом зовут художника—Брея, или Покровского, или Доброковского—нарисуйте к рассказу рисунки, да получше.

Художник рисует. Лохматый редактор поправляет рассказ и посылает в типографию. Приносит художник рисунки. На пять страниц—четыре-пять рисунков. Эти рисунки подчас самого журнала больше. Их, значит, надо уменьшить. Для редакции это просто: написал сзади рисунка 5 квадратов (около 10 сантиметров), или 7 кв., или 10 и послал в цинкографию, а там делают так, как это в „Джоне Воркмане" описано (я читал), переснимают не на бумагу, а на цинк. А переснять можно на любой размер. В цинкографии делают цинковое клише. Все темные места в нем выпуклые, а светлые вытравлены кислотой.

В редакции берут оттиски с набора и оттиски клише и расклеивают номер. Положим этот рисунок вниз, этот наверх, этот сбоку, чтобы было удобно рассматривать.

Расклейку посылают в типографию, там по этой расклейке верстают. Расстанавливают клише и набор. Потом на полученную свинцовую страницу намазывают краску, кладут бумагу и под пресс. На бумаге получается оттиск страницы. Эту страницу опять везут в редакцию, поправляют,

Рисунков в редакции на стенках понавешано—уйма!..

что неверно; потом вставляют в машину все свинцовые страницы — на „Пионер" нужно три печатных машины—и печатают, но это не в редакции, а в типографии. Туда нужно будет особо сходить.

Редактор нам дал несколько старых оттисков, одно старое клише и рисунок. Мы его повесим в звеньевом уголке.

Потом я спросил о стихах—что делают с теми ребятами, которые пишут стихи? Когда я спросил, редакторы переглянулись.

Лохматый спросил.

— А ты, может быть, сам стихи пишешь?

Я не скрыл, что действительно пишу.

— А ну-ка, прочти.

Я их тут же написал. Мне стихи писать так же легко, как другому пионеру, ну хотя бы, гвоздики вбивать. Поэтому как мы

пришли в редакцию, так я их и написал, потом стал читать:

„Солнце светит, снег идет,
Звено в редакцию идет.
Лужи разливаются,
Ребята замерзаются.
Вот в редакцию мы пришли
И редактора нашли.
Он сидел за столом
И писал пером.
Что нам делать, как нам быть,
Чтоб себя нам об'яснить.
Про себя мы об'яснили,
Про редакцию расспросили.
Нам редактор отвечал,
Крепко руки пожимал“.

Прочитав, я посмотрел на всех сверху вниз, потом снизу вверх. Стихи писать не каждый может, и я увидел, что на лицах у ребят появилось уважение к человеку, которому стихи писать легче, чем семечки лущить, которые пионеру лущить не разрешается.

Но лохматый ничуть не удивился, а почему-то усмехнулся, попросил всех нас присесть, все присели — с одной стороны все звено, с другой стороны вся редакция. Мы на стульях, редакция на диване, и лохматый стал об'яснять.

По его об'яснениям, оказывается, писать стихи не так уж трудно. Это видно по тому, что редакция их в месяц тысячи полторы получает. В каждом отряде есть свой пишущий Бобкинс, иногда их два или три. Ходят они нос задрав, гордятся своими стихами, кроме стихов других вещей делать не любят, каждый из себя памятник Пушкину строит и стихи посылает в редакцию десятками.

И стихи, оказывается, все плохие, и мои, оказывается, плохие, потому что, говорит, стихи тогда получаются хорошие, когда человек пишет совсем грамотно.

И тут лохматый стал мое стихотворение разбирать.

Солнцу светить и снегу итти одновременно невозможно, и с чего, говорит, лужи стали вдруг разливаться, и „замерзаются“ сказать нельзя по-русски (а у меня это для рифмы), и рифмы не годятся. Нельзя рифмовать „идет“ и „идет“; и дальше говорит: „А кому интересно, что редактор пером пишет, чем же ему писать — лампой, что ли?“ (а у меня „пером“ тоже для рифмы). Еще много наговорил лохматый редактор про мои стихи, а потом говорит:

— Зачем врешь, товарищ Бобкинс, пионерам руки не подают, на то у них салют есть.

А я в самом деле написал:
„Крепко руки пожимал“.

И зачем написал — сам не знаю, чтоб красивей получилось.

Ребята сказали, что все это правильно, а я решил подождать со стихами до восемнадцати лет, хотя лохматый говорит: „Если, говорит, очень хочется — пиши для стенгаза, нам посылай, но только носа не задирай, не думай, что ты поэт; так, как ты пишешь стихи — никому нетрудно, ты вот попробуй ящик сколотить или заметку написать“.

Тут мы ему напомнили про дневник звена. Он похвалил: „Хорошо, говорит, пишете, интересно; хорошо, если бы все звенья так писали“.

Редакция нам понравилась. Нам дали со стенки рисунок для звена, обещали в гости притти.

Мы так долго сидели в редакции, что занятия успели кончиться.

Потом мы пели песни. Бобкинс и лохматый вместе на носу играли, а секретарь, товарищ Шварц, по секрету, для нас на руках прошелся, Олег захотел ему подражать, да только нос расквасил, пришлось водой мочить этот нос (тоже по секрету).

Потом мы ушли. Все были веселые, только мне было немного грустно, что я не поэт Бобкинс, а просто Бобкинс.

Ребята меня утешали: а ты, Боб, научись книги переплетать или изобретать...

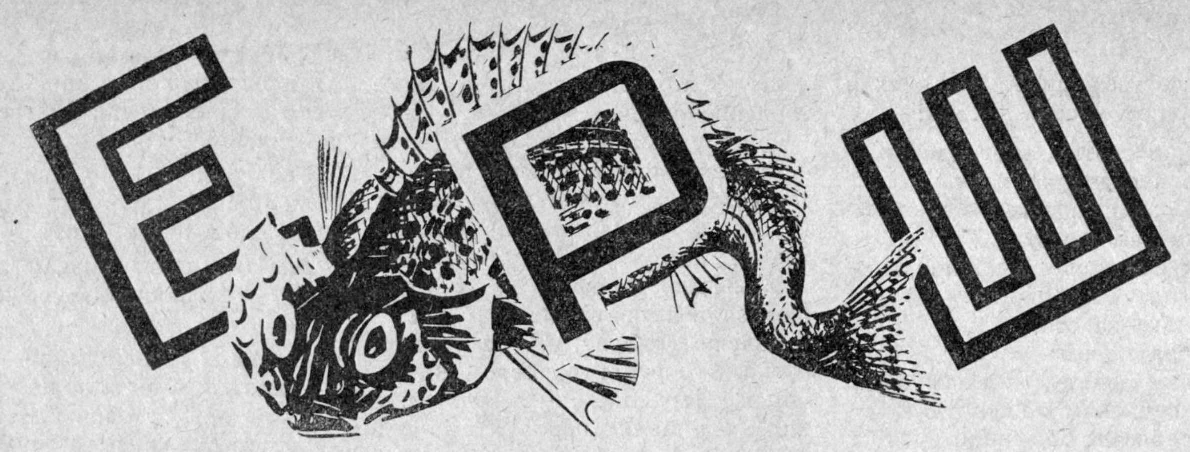
Я решил начать изобретать и строить модели, и мне стало веселее.

Я вспомнил, что усатый редактор „Знание — Сила“, Николай Петрович, говорил, что у них в журнале есть даже особая страничка, где они помещают предложения и изобретения самих ребят. Буду писать теперь в „Знание — Сила“.

Б. Бобкинс

Все редакторы уселись на диван, и лохматый стал об'яснять

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

№ 1 АПРЕЛЬ 1928 г.

Среди всяческой крупной рыбы шныряет этакая мелкая рыбешка. С виду неказистая, даже нескладная. Какая-нибудь Щука—перед Ершом—Кит. Вот-вот разинет свою щучью пасть—и поминай Ерша, как звали.

Однако, странно! Не только пасти своей не разевает Щука, но наоборот, старательно держится от Ерша подальше. „С чего это так?"—спросишь Щуку. А она сделает безразличные глаза и нехотя буркнет: „Так, дрянь, мелкота, не стоит связываться!"

И действительно—не стоит, вернее очень дорого будет стоить Щуке нападение на Ерша. Ерш не так безобиден, как кажется с виду. Ерш имеет колючки, не только прекрасно его защищающие от нападений, но и позволяющие ему самому нападать на кого надо! И если Щука слишком себе брюхо отростила—не сдобровать этому брюху, подплывет под него Ерш и ррраз! острым шипом так уколет, что надолго запомнит Щука Ерша.

Ерш характера не робкого. Ерш готов в битву. Ерш, одним словом, „ВСЕГДА ГОТОВ".

Потому-то его именем мы и назовем наш журнал. Как Ерш—он не будет давать спуску обидчикам, как Ерш, он будет колоть рыб, ленивых да глупых. Ерш будет чувствовать себя среди пионеров—КАК РЫБА В ВОДЕ.

В одном наш Ерш от водяного Ерша отличаться будет. Вы наверное слышали выражение—„молчит, как рыба". Так вот, наш Ерш молчать не собирается, но чтобы было ему о чем разговаривать—ДАВАЙТЕ, РЕБЯТА, ЕРШУ МАТЕРИАЛ. Письма направляйте на адрес „Пионера" для передачи Ершу: величать его никак особенно не надо, пишите просто: „Дорогой Ерш, у нас в таком-то звене такие-то и такие-то дела! ПЛЫВИ НАМ НА ПОМОЩЬ!" Вот и все. И Ерш распустит плавники и в три минуты будет на месте происшествия, а так как он рыба, ТО ОТ НЕГО КОНЦОВ В ВОДУ НЕ СПРЯЧЕШЬ. Найдет обязательно и не позволит Ерш в мутной воде рыбу ловить, а наоборот, кое-кого НА ЧИСТУЮ ВОДУ ВЫВЕДЕТ. На то и Ерш!

„ЕРШ" О СЕБЕ

Если ты взгрустнул не в меру—
Раздобудь-ка „Пионера",
Широко его раскрой.

„**Е**рш" найдешь в конце журнала,
Распотешит он не мало;
Шуток там есть целый рой.

Есть в нем каждому утеха,
Радость, бодрость, взрывы смеха.
Шумно радуйтесь „Ершу".

„**Е**ршик" ждет к себе доверья.
Разом в руки взявши перья,
Шлите письма мне, прошу.

Здрасте, товарищи-ребята, паренькии девчата, пионеры и пионерки, Володьки и Верки, Петьки и Ванюшки, Дашки и Танюшки, Кольки и Яшки, Варьки и Машки, средние и малые, боязливые и удалые, развитые и несознательные, нерадивые и старательные, слабые и дюжие, ловкие и неуклюжие, курносые и носатые, стриженые и патлатые, деятельные и обломы... Будем знакомы! Позвольте представиться, чтоб вам понравиться.

Вкратце свою жизнь изложу

Биография моя хороша: я — сын колючего „Ерша", а по прозванию Мишка. Занозистый парнишка! По случаю земных Октябрей, я в глубине морей вел агитацию тоже среди рыбьей молодежи. Наш ершиный молодняк колол и так и сяк, от головы до хвоста, самодержца-кита, а также акулу рогатую да щуку зубатую. Вся красная рыба говорила мне спасибо, а белорыбица кляла за бунтарские дела.

Да мне это не страшно!

Только я скоро смекнул: чтоб свергнуть китов и акул да рыбьей революции добиться, надо сначала поучиться. Созвал я поэтому ершат, сделал о текущем моменте доклад, просил сознательную молодую рыбешку вести культработу понемножку и об'явил, что плыву к пионерам в Москву, чтоб вместе с ними учиться, подрасти и закалиться. А потом вернусь в моря добиваться подводного Октября. Каждый сознательный и храбрый—намотай это на жабры!

Предложил резолюцию—и в путь

Эх, славно в Москве, ребятишки! Дали мне галстук, барабан и книжки. Теперь я—боевой пионер, всем в школе пример. Так как я плаваю шибко и при том я—колючая рыбка, то от нашего звена ответственная командировка дана: „Плыви, ершонок веселый, в разные школы, погляди — кто как себя ведет, и присылай с дороги отчет". Наточил я свои колючки, надел новые брючки, красный галстук завязал, потом взмахнул плавниками и хвостом, да помчался быстрей, чем моторы, я. Эй, берегись которые!

Ершиную разведку делаю!

Приплыл я в Паласовку скоро, где встретил Петю-деткора. Повел меня юный гражданин в школу № 1. „Погляди, мол, как бьют здесь баклуши,

Рис. К. РОТОВА

— **Берегись, ребята! „Ерш" плывет!**

да береги только уши!" Не успел я вплыть в коридор, как оглушил меня дикий хор: визг, рев, смех, галдеж... Гляжу — озорная молодежь выстроилась в два ряда плотно и так забавляется охотно: кто двинется в класс, тому устраивают „качку" сейчас — от одного к другому толкают, словно человеком в футбол играют! Один вывихнул нос в толкотне, у другого — шишка на спине... Хотели и со мной проделать эти штучки, но напоролись на мои колючки. Тот, кто меня толкнул, сразу заорал „караул".

Урок по заслугам!

Отсюда, не медля боле, поплыл я в Алексино, к школе. Там деткор Сухонин к концу дня повел в школьную библиотеку меня. Только я очутился на пороге, кто-то кубарем шмяк мне под ноги! Не успел я ничего понять, как другой в меня бухнул опять. Затем третий с быстротой картечи брякнулся мне прямо на плечи. Заорал я в испуге поживей: „Кто ребятами швыряется, эй?! Сколько их, куда их гонят?" Вопрос был кем-то понят, и вот ответ для моих ушей: „Это мы выбрасываем малышей! У нас уж так полагается: когда старший в читальню является, то младших выгоняют вон. Таков тут закон!" Я закричал обозленный: „Это — закон незаконный. Требую от имени „Ерша" восстановления прав малыша. А то дождетесь нахлобучки и почувствуете мои колючки!"

Кажись, угроза подействовала

Прибыл я в Арзамас и поплыл в 5-ю школу тотчас. Деткор Грызин мне там сообщает: „Сегодня форпост собрание созывает. На 4 часа назначено оно. Многие пришли пораньше, но..." Не успел он докончить фразу, как я все понял сразу. Пришедший пораньше „актив" был не в меру ретив: собрал уличных мальчишек для озорных делишек. Один из них как раз попал мне мячом в глаз. Другой, полный жара, запускал всем в нос „гусара". Третий достал чернил—и чистый пол „освежил". Четвертый чертил в азарте чьи-то рожи на географической карте. Рассердясь на эти дела, я по-ершиному, как игла, кольнул безобразников хорошенько. „Ерш! Спасайся, Федька, Сенька!" Будет уроком и для прочих школ мой занозистый ершиный укол. На то и „Ерш" в Москве, чтоб подтянуться школьной братве!

Запомните это покрепче!

Про дальнейшие происшествия во время моего путешествия я поведу рассказ в следующий раз. А пока, друзья-братишки, пишите „Ершу" письмишки про свои дела-делишки, про достижения и прорехи, про недочеты и успехи... Закончу пока на этом, ибо требуется передышка. С ершиным приветом

Ершонок Мишка

ШКОЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ

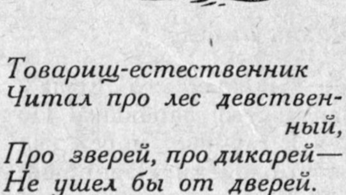
Рис. ПОКРОВСКОГО

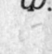
Мы про бога прочитали
Разные истории,
А рассказывать как стали,
Родители спорили.

Товарищ-естественник
Читал про лес девственный,
Про зверей, про дикарей—
Не ушел бы от дверей.

Девчонок не надо
С губною помадой,
*А надобно стрижены*х,
Без губок обиженных.

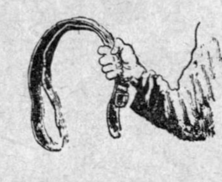

Физический кабинет—
Веселее в свете нет!
И стреляет, и сверкает,
И учитель не шпыняет.

Чему в школе учишься,
За то дома мучишься.
Вот сказал, что бога нету—
И остался без обеда.

Ф.

На общественной работе
Поздно задержался;
Дома вспрыснули ремнем,
Чтобы не шатался.

И досадно и обидно...
В чем тут дело—не пойму?
Ничего, как есть, не видно
В одуряющем дыму.
Кресло, ноги, лист газеты,
Кашель рвет на части грудь...
Очевидно, папа это
Здесь уселся отдохнуть.
Голова кружится прямо,
Мухи дохнут на-лету.
На диване дремлет мама
С папироскою во рту.
В потолок пуская кольца,
С книгой старшая сестра;
Возле брата-комсомольца
Пепла серая гора.
Зараженные примером
И послушные во всем,
Пионерка с пионером
Дружно курят под столом.
Октябренок—младший Юрка,
Верьте совести—не вру,
Лазит в поисках окурка
На карачках по ковру.
И, сердито бросив соску,
Поднял крик грудной Олег:
—Челти! Дайте папилоску!
Я ведь тоже человек.

Андрей Иркутов

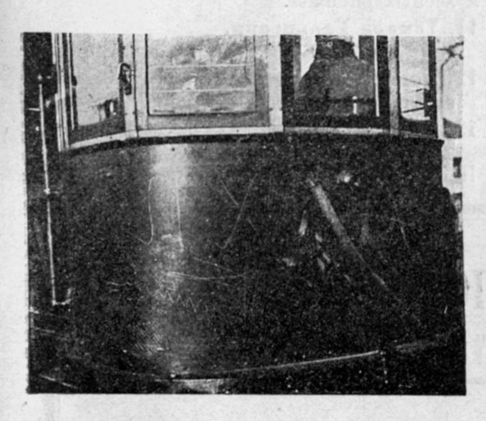
БЕДНЫЕ ТРАМВАИ

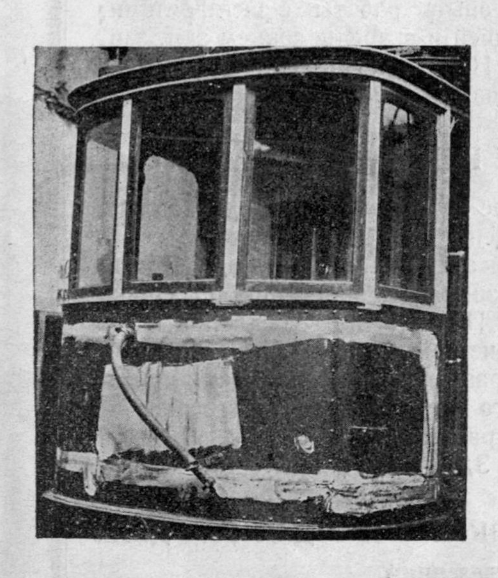
Печальный результат работы бесплатных пассажиров— обрезанные „кишки"

Рабочий несет „кишки", срезанные только за один день

От скуки и от озорства расписывают ребята трамваи...

... после чего приходится соскабливать краску и перекрашивать наново

Начинается просто: ребята вместо того, чтобы сесть в трамвай и заплатить 8 копеек, садятся на „кишку".

Кончается — в хирургической лечебнице и нередко доводит до тюрьмы.

И, кроме того, наша Советская страна несет только по одной Москве несколько тысяч рублей непроизводительных расходов в месяц.

Давайте поподробней рассмотрим, что терпят бедные трамваи от ребят.

Сел парень на „кишку", наступил ногами на решетку, а она на этот добавочный груз не рассчитана. В результате поломка и ремонт. А ремонт стоит денег.

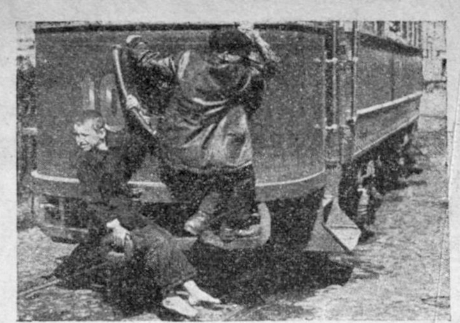
Но этого мало. Нередко ребята срезают эту самую „кишку" для того, чтобы продать медные части старьевщикам. Немногие на этом останавливаются—обычно дальше идут уже чужие кошельки, вещи, и парень, вырастая, воспитывается преступником. В конце концов это ведет к тюрьме.

А то и так бывает—сидит „кишечный" путешественник и от нечего делать и от озорства выцарапывает на трамвае всякие слова, в большинстве случаев неприличные. И вот несколько рабочих работают в трамвайных парках по ночам, соскабливая краску с „расписных" трамваев и перекрашивая их наново.

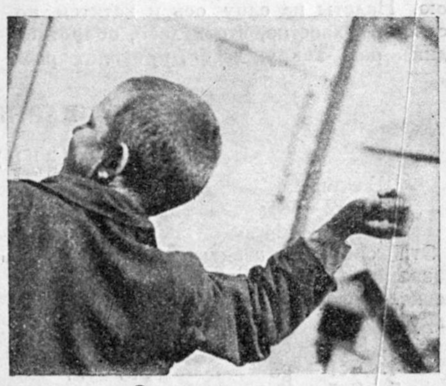
На окраинах ребята развлекаются „стрельбой". Стреляют камнями в окна проходящих трамваев. Стекло стоит 5 рублей 10 копеек. В среднем в месяц „настрелянных" стекол выходит 200 штук. Подсчитайте-ка, сколько это стоит! Головы, разбитые пассажирам, мы не считаем. А об этом следует подумать.

Ежедневно в хирургические лечебницы доставляют несколько человек ребят с отрезанными и раздробленными руками и ногами, с разбитыми головами. Это все любители прокатиться на „кишке": сорвался—а сзади наскочил автомобиль или трамвай. А то и так просто, упал, стукнулся головой о мостовую, и... одним инвалидом больше.

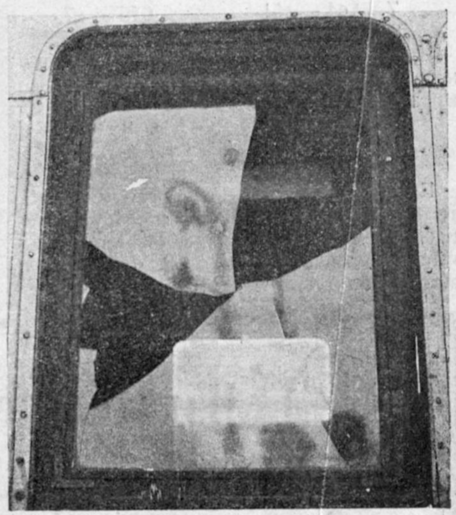
Над всем этим надо, ребята, задуматься. И надо об'явить войну с истязателями трамваев — войну до победного конца.

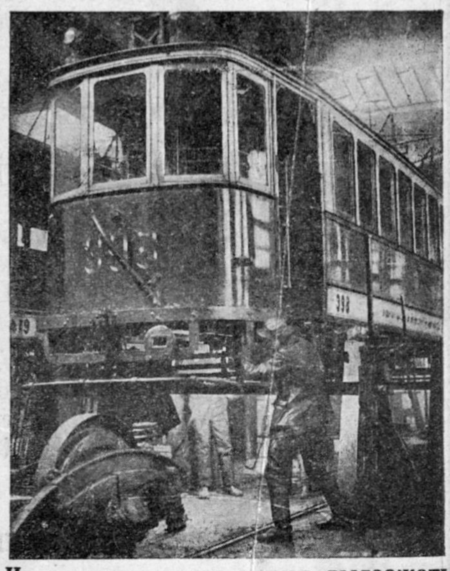
Вот в чем зло!

Размахнулся, и...

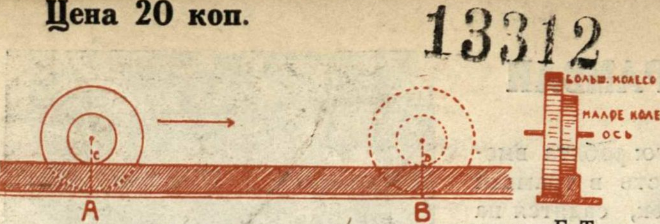
... государство потеряло 5 рублей 10 копеек

Не слишком долго может выдержать бедный трамвай такое обращение и просится в ремонт

Москва. Главлит А 11498. Изд. № 2635. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный пер., № 9. 29.000 экз.

Цена 20 коп.

ЗАДАЧА № 17

В чем ошибка?
(С. Дьяченко, с. Н. Гута)

Вообразите себе два колеса, одно из которых большое, другое маленькое. Оба эти колеса наглухо скреплены между собою. Надеты на одну ось и катятся по рельсам. Известно, что колесо, оборотясь один раз вокруг себя, проходит расстояние, равное длине окружности самого колеса. Обернувшись один раз, большое колесо проходит расстояние от точки А до точки Б. Тогда маленькое колесо должно также обернуться один раз, т. к. оно наглухо скреплено с большим, и также пройти расстояние от точки С до точки Д.

Эти два расстояния, как видно из чертежа, совершенно равны, но ведь расстояние АВ есть длина окружности большего колеса, а расстояние СД не равняется окружности малого колеса. В чем же заключается наше заблуждение, в которое мы впали, рассуждая таким образом?

ПАРТИЯ № 1

Французская

Белые	Черные
1. e2 — e4	e7 — e6
2. d2 — d4	d7 — d5

Эта система развития партии носит название французской. Она дает черным несколько спертую, хотя и не плохую игру.

3. Kb1 — c3	Kg8 — f6
4. Cc1 — g5	Cf8 — e7
5. Cg5 : f6	Ce7 : f6
6. Kg1 — f3	O — O
7. e4 — e5!	Cf6 — e7
8. Cf1 — d3	b7 — b6

Черные слишком небрежно относятся к готовящейся атаке белых. Лучше было играть h7 — h6.

9. h2 — h4	Cc8 — b7
10. Cd3 : h7 + !	Kpg8 : h7
11. Kf3 — g5 +	Kph7 — g6

Единственный ход. Если 11... Ce7 : g5, то 12. h4 : g5 + и 13. Фd1 — h5 с неизбежным матом. Если же 11... Kp h7—h8 или g8, то все равно 12. Фd1 — h5 и мат в несколько ходов.

12. Kc3 — e2	. . .

Грозит мат в несколько ходов посредством 13. Kd2 — f4 +, Kpg6 — f5 (или 13... Kpg6 — h6; 14. Фd1 — h5 ×); 14. Фd1 — d3 + и т. д.

12.	Ce7 : g5
13. h4 : g5	f7 — f5
14. g5 : f6	Kpg6 — f7

Черные решили отдать еще одну пешку, чтобы уйти королем из неприятных мест.

15. Ke2 — f4	Лf8 — h8
16. Фd1 — g4!	. . .

Кажущаяся жертва двух ладей.

16. . . .	Лh8 : h1 +
17. Kpe1 — d2	g7 : f6

Если черные польстятся на вторую ладью (Лh1 : a1), то получат мат в 3 хода: 18. Фg4 — g6 +, Kpf7 — f8; 19. Kf4 : e6 +, Kpf8 — g8; 20. Фg6 : g7 ×.

18. Фg4 : e6 +	Kpf7 — g7
19. Лa1 : h1	Cb7 — c8
20. Лh1 — h7 + !	Kpg7 : h7

21. Фe6 — f7 + и мат в следующий ход.

ХОТИМ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ

1. **Василий Фыппо.** Москва, центр, Никольская, д. 10, Центриздат народов СССР.
2. **А. Постников.** г. Ветлуга, Нижегородской губ., ул. Штурелина, д. 88.
3. **Володя Адоринский.** п/о. Рыбкино, село Мамолаево, Пензенской губ., Краснослободского уезда.
4. **Маруся Шпакова.** г. Чикмент, Сыр-Дарьинской обл., ул. Крегера, д. 10.
5. **Н. Терлецкий.** УССР, г. Коростень, ул. Ив. Франка, д. 14, кв. 3, А. Шаровскому.
6. **Тамара Козенкова.** г. Чикмент, Сыр-Дарьинской обл., Туркестанская ул., д. 48.
7. **Пелагея Пузырева.** г. Чикмент, Сыр-Дарьинской обл., Туркестанская ул., д. 54.
8. **Петр Борисов.** п/о. Бородинское, село Красноярка, Бородинского р-на, Омского округа, Сибирского края, Школа Крестьянской Молодежи.
9. **Н. Лазуткин.** г. Тула, Ряжский вокзал, Управление коменданта.
10. **Н. Крупп.** г. Симферополь, Почтовый пер., д. 2, кв. 9, 27-й отряд ЮП при союзе с.-х. и лесных рабочих.
11. **Тамара Гальперин.** г. Павлоград, ул. Ленина, д. Лейбова.
12. **Борис Ветров.** г. Харьков. До востребования.
13. **Петр Толпегин.** Татреспублика, с. Рыбная Слобода, дом Плошкина.